

РАДИМ
ПАНОВ

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ
МЕХАНИКА

La Mystique De Moscou

Вадим Панов

Занимательная механика

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

2007

Панов В. Ю.

Занимательная механика / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим», 2007 — (La Mystique De Moscou)

ISBN 978-5-699-22322-0

Кто-то называл ее Богиней, кто-то – Золотой Бабой, но все жаждали встречи с ней, стремясь прикоснуться к Тайне. В непроходимых таежных дебрях ее искали посланцы Ивана Грозного, белые атаманы и красные комиссары, агенты спецслужб и тысячи безвестных охотников за удачей. Многие века пропадали без вести авантюристы, осмелившиеся прикоснуться к тайне золотого изваяния Великой Матери, но она открывалась лишь тем, кого выбирала сама. А в начале Третьего тысячелетия случилось то, что ранее казалось невозможным – Золотая Женщина покинула свое древнее убежище и очутилась в одном из самых циничных и совсем не волшебных городов мира – в Москве... И все это было только завязкой удивительной истории, в которой причудливо переплелись судьбы множества людей – от сыщиков экстра-класса до простых олигархов, приоткрылись многие тайны далекого и близкого прошлого, а главное, оказалось, что волшебниками не рождаются, ими становятся. Вернее, не волшебниками – Искусниками. Впрочем, обо всем по порядку...

ISBN 978-5-699-22322-0

© Панов В. Ю., 2007

© Эксмо, 2007

© Панов Вадим, 2007

Содержание

Пролог	5
Пятница	11
Суббота	16
Воскресенье	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Вадим Панов

Занимательная механика

«Механика – математика, приложенная к законам равновесия и движения тел; наука о силе и сопротивлении ей; искусство применять силу к делу и строить машины; наука выгодного приспособления сил».

В.И. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка»

Пролог

Сибирь, 1988 год

– Нет! Пожалуйста, не надо!! Не-е-ет!!!

Пронзительный вопль перешел в истошный, полный животного ужаса визг. Не в заставляющий инстинктивно сопереживать крик боли – боль еще не пришла. Не в вызывающий уважение вой яростного бессилия, не в рев полного сил бойца, терпящего поражение от более искусного соперника. А в жалкий визг насмерть перепуганной курицы, увидевшей нож повара. В презренный звук, оставляющий на душе лишь след досады и безгласности.

Визг отразился от темной громады скал, бросился в тайгу, увяз в ветвях спящих деревьев и растворился в них, исчез, потревожив только малюсенькую часть бесконечно огромного леса.

– Семен, не надо! Прошу-у-у...!!

И захлебнулся. Визг превратился в невнятное бульканье, в хрип, в шорох осевшего на землю тела, в едва слышимый шелест вошедшего в землю и вынырнувшего из нее очищенным ножом, в тихий выдох стоявших вокруг мужчин.

В запах крови.

Затем все стихло, и несколько мгновений на поляне царила полнейшая тишина. Живые не шевелились, не переговаривались, продолжали стоять смутными тенями, и лишь когда неподалеку прозвучал бубен, все они, и убийца, и свидетели, повернули на звук головы.

Словно пришли в себя.

– Здесь? – спросил Семен, пристально глядя на Григория.

– Здесь, – коротко подтвердил тот.

– Точно здесь?

– Точно.

Была мысль ответить вызывающе, бросить с законной обидой: «Раз привел, значит, здесь», но Григорий сдержался. Не положено семнадцатилетнему юнцу хамить матерому охотнику. Тем более что Семен только с виду невзрачен: плешив и узкоплеч, в тайге он настоящий вожак, и те восемь мужиков, которых он с собой взял, слушаются его беспрекословно. Почувствуют, что малец на авторитет покусился, разборки не избежат.

В тайге свои законы.

– Здесь, – еще раз произнес Григорий.

– Я не чувствую, – помолчав, протянул охотник. – Потому и спросил.

Словно извинился за проявленное недоверие.

Юноша кивнул, подумал, затем, облизнув губы, добавил:

– Мы пришли куда надо.

Что он еще мог сказать?

– Но я ее не чувствую.

Григорий понял, что имеет в виду собеседник – приближение Юмалы невозможно не заметить. Тот, кто хоть раз стоял перед Богиней, навсегда запоминает свои ощущения и способен уловить ее приближение.

– Ты ее видел?

– Восемь лет назад, – ответил Семен, не сводя глаз с Григория. – И еще пять лет назад.

Но я все помню. Помню, как шла она к нам. Сейчас Юмала далеко.

– Пока далеко, – уточнил юноша. – Шаманы стали осмотрительнее. Ее ищут.

– Знаю.

Охотник отвел взгляд от проводника, оглядел небольшую поляну, на которую тот привел группу, – с одной стороны тайга, с другой поднимаются скалы, – и коротко скомандовал:

– Лагерь!

Его спутники, до поры стоявшие шагах в десяти от собеседников, принялись снимать с плеч рюкзаки.

Прямая дорога до поляны не отняла бы и трех дней, однако Григорий водил охотников по тайге все пять. В этом году шаманы держатся осторожнее прежнего – слишком много экспедиций появилось по весне на Урале – и требуют от проводников петлять, сбивая со следа возможных преследователей. Григорий старался как мог. Несколько раз он заставлял охотников возвращаться обратно, дважды делил группу на части и отправлял к условленному месту разными дорогами, а по ночам вставал каждые два часа, чтобы обойти, оглядеть окрестности, выискивая признаки чужой стоянки. Выдохся, конечно, зато был уверен, что «хвост» за собой не привел.

Охотники, которые прекрасно поняли действия юного проводника, не роптали, послушно выполняли его приказы, возвращались, петляли, тщательно следили за тем, чтобы не оставлять за собой следов. Охотники – сплошь местные, с детства впитавшие рассказы о Юмале, знали, с каким рвением искали Золотую Богиню казаки и монахи, чекисты и ученые, помнили истории об убитых шаманах, а потому с пониманием отнеслись к повышенной осторожности проводника. И услуг своих в ночной разведке не предлагали, знали, что не примет. Шаманы доверились Григорию, а вот сам он не имел права никому доверять.

Помочь юноше в его работе охотники не могли, зато освободили от всех обязанностей по лагерю, а на третий день, когда глаза Григория от хронического недосыпания стали красными, а движения – дергаными, распределили между собой его поклажу. Юноша воспринял это как должное, сам не просил, но когда предложили – не отказался. Григорий водил охотников к Юмале третье лето, по пять-шесть групп в сезон, и всякий раз на второй-третий день спутники начинали помогать уставшему пацану.

Вот и сейчас, несмотря на то что дорога осталась позади, никто из охотников не возмущался, что Григорий не участвует в разбивке лагеря. Ни косых взглядов, ни бурчания под нос – парень свое отработал, парню надо отдохнуть. Кто-то из охотников отправился за дровами, кто-то занялся провизией, а их проводник добрался до поклажи, уселся на землю, медленным, очень усталым движением снял с пояса флягу, сделал большой глоток воды и, облокотившись на рюкзак, закрыл глаза.

Дело сделано.

Накопившуюся усталость Григорий ощущал каждой своей клеточкой. Ныли ноги, слегка шумело в голове. Стоило лишь на мгновение расслабиться и принять горизонтальное положение, как тело мгновенно размякало, словно намекая: пора на боковую. Но спать, несмотря на бессонные ночи, не хотелось – чем ближе встреча с Юмалой, тем сильнее охватывало юношу радостное возбуждение.

Богиня...

Перед внутренним взором Григория возник образ Золотой Женицы. Великой Матери, перед которой склонялись все, кому довелось ее увидеть.

«А может, и русские бы склонились?»

Но к чему размышлять о несбыточном? Игра в прятки продолжалась не одну сотню лет, и реки пролитой крови насмерть цементировали недоверие шаманов. Богиня будет открываться только своим. Это не обсуждается.

– Шоколад?

Проводник неохотно разлепил глаза.

– Будешь? – Возле него стоял Антон, самый молодой из охотников Семена, и протягивал распечатанную плитку «Бабаевского». – В нем энергии много.

– Горячего подожду, – ответил Григорий, лениво кивнув на разгоревшийся костер. – Полезнее.

– Как знаешь. – Антон присел рядом и откусил от плитки изрядный кусок. – Умаялся?

– Пройдет.

– Когда пройдет? Нам ведь еще обратно топать. Дойдешь?

– Пройдет, – повторил Григорий, вновь закрывая глаза. – Юмала все снимет.

– Неужели?

– Поверь.

В каждой группе охотников обязательно шли новички, никогда не видевшие Золотую Женицу. Как правило, они держались тише остальных, робея предстоящей встречи. И к проводнику с расспросами не лезли, даже к мальчишке, ибо проводнику доверяли шаманы, и его авторитет среди молодых охотников был очень высок. С проводником общался исключительно лидер, остальные – только в том случае, если он первым начнет разговор. Григорий привык к такому положению вещей, а потому его несколько смутило поведение собеседника.

– Ты ведь Беспалый, да? – неожиданно спросил Антон. – Гриша Беспалый. Я тебя в интернате для детей охотников видел. Ты на четыре года меня младше.

Ответил Григорий не сразу. Открыл глаза, приподнялся на локте, сделал еще глоток воды, медленно завинтил крышечку фляги и только после этого, глядя мимо Антона на подступающие к поляне деревья, кивнул:

– Да.

Вопрос ему не понравился. Порой среди охотников, которых Григорий водил к Юмале, попадались знакомцы, но они всегда делали вид, что не узнают его, всегда отводили взгляды. Здесь, в тайге, он не был Гришей Беспалым, он был проводником, точнее – Проводником, человеком шаманов, слугой Юмалы, и точка. И встречая затем тех, кого видел в походах, Григорий никогда не слышал от них напоминаний о совместном путешествии. Ни словом, ни взглядом не показывали они, что знакомы, ибо таежные дела были Тайной.

Антон же поступил вопреки всем правилам.

– Отец знает, чем ты занимаешься?

Простой на первый взгляд вопрос, но что за ним стоит? Любопытство? Или Антон что-то подозревает? С какой радости старшеклассник запомнил имя и лицо какого-то малолетки? Или ему показывали фотографии подозреваемых? Шаманы старались менять проводников как можно чаще, но найти подходящего человека не просто, вот и пришлось Григорию работать три сезона подряд. Не так уж много, конечно, но вполне достаточно, чтобы у некоторых людей появились вопросы, повод для подозрений.

Усталость ушла, радостное возбуждение схлынуло, уступив место тщательно скрываемому напряжению.

– Нет, не знает, – со всем возможным спокойствием ответил Григорий. – Он из тайги почти не вылезает. Я под ногами не путаюсь, он и рад.

– Как же ты к шаманам прибился?

– Случайно.

– Я так и думал. – Антон откусил еще шоколада. Запах сладости дразнил ноздри. – А почему они тебе поверили? Почему место тайное показали?

– Тебе-то что?

– Может, я тоже хочу как ты – проводником.

А может, и правда – хочет? Григорий вдруг подумал, что года два назад он бы поверил словам Антона, возможно, пообещал бы подействовать. Но теперь, когда за плечами многочисленные походы, замечание следов и... кое-что еще, доверия в его душе поубавилось.

– Шаманы много не платят, – буркнул проводник, – охотником больше заработаешь.

– Мне деньги не нужны, – улыбнулся Антон. – Мне интересно. – Он доел шоколад и облизнул испачканные коричневым пальцы. – Почему же тебе поверили, Беспалый? Почему место указали?

– Здесь не тайное место, – протянул Григорий. – Где Юмала живет, только шаманы знают. Здесь она к людям выйдет.

– Зачем?

Вопрос поставил Григория в тупик. Несколько мгновений он молча смотрел на Антона, после чего пожал плечами и коротко ответил:

– Чтобы ее увидели.

Разве не понятно?

– Зачем?

– Потому что Юмала – богиня, а люди должны видеть богов.

– Зачем?

– А зачем ты сюда пришел?

Семен, как и положено опытному охотнику, подкрался к собеседникам бесшумно. Специально старался или само получилось, по привычке, теперь не важно. Главное, что он слышал последние фразы разговора и пришел Григорию на помощь.

– Я хочу ее увидеть.

– Зачем?

Роли поменялись. Теперь допрашиваемым оказался Антон, однако он справлялся с разговором не хуже Григория.

– Чтобы убедиться, что она существует.

– Слова твоего отца недостаточно?

– Я хочу увидеть сам, – упрямо ответил молодой охотник.

– Понятно... – Семен потер шею. – Знаешь, когда я первый раз шел к Юмале, я знал, что она существует. Я верил. А увидеть хотел, потому что она – Богиня. Малец все правильно тебе сказал. – Он перевел взгляд на проводника и закончил: – Пойдем, Григорий, поедим.

А когда они подходили к костру, Семен едва слышно произнес:

– Похоже, ошибся я, Гриша, крепко ошибся.

– Юмала разберется, – так же тихо отозвался проводник.

Их было шестеро. Их всегда было шестеро, испокон веков, с сотворения мира, с появления самой жизни, ибо Юмала – Мать Всего, а значит, без нее ничего не было.

Не было.

И не будет.

Условный сигнал прозвучал незадолго до полуночи. Протяжный, похожий на стон крик накрыл поляну, ударился о скалы и змеей обвился вокруг деревьев. Долгий крик, сильный. Шаманский призыв.

Поднимать охотников Григорию не пришлось, те сами догадались, что они услышали, вскочили на ноги и уставились на проводника.

– Надо идти, – коротко произнес юноша и шагнул во тьму тайги.

Без факела и без фонаря.

Последний участок пути Григорий мог пройти с закрытыми глазами. И Семен тоже. И те охотники, которым доводилось видеть Юмалу.

Они чувствовали.

Их было шестеро. Их всегда было шестеро, испокон веков, с сотворения мира, с появления самой жизни, ибо Юмала – Мать Всего, а значит, без нее ничего не было.

Не было.

И не будет.

Шестеро шаманов в красных одеждах неподвижно стояли подле укрытой в пещере Золотой Богини. Свет факелов мягко падал на темно-желтую статую, тени играли на ней, и казалось, что Мать Всего жива. Что выражение ее лица меняется. Что шевелятся обнимающие ребенка руки.

Она была живой.

И каждый вошедший в пещеру почувствовал необычайный прилив сил. Ушла усталость, вызванная долгим переходом, перестали ныть ссадины и раны, успокаивалась душа. Каждому показалось, что он очутился дома. И не просто дома, а рядом с матерью. Строгой, но заботливой. А главное – любящей. Лица охотников подобрели, на губах заиграли умиротворенные улыбки, и приготовленные подношения превратились в подарки, которые дарят от всего сердца.

Юмала притягивала. Юмала дарила свет.

Мужчины цепочкой потянулись к Золотой Женицине. Девять, еще девять, еще... Сегодня пришли четыре группы, тридцать шесть человек, но порядок в не очень большой пещере сохранялся идеальный.

Григорий отошел в сторону и прислонился к стене. Он никогда не интересовался, о чем пришедшие просили Богиню, что спрашивали – не его дело. У каждого что-то заветное: или для себя, или для семьи, или для рода. У каждого – глубоко личное дело.

К тому же здесь они расстанутся: охотники сами найдут дорогу назад, а проводникам еще предстоит сортировать подношения. Металл и украшения отправятся вместе с Богиней, а шкуры придется продавать, менять на золотой песок или камни, а потом передавать в тайгу, в потайное место. Но это потом. Завтра.

Нынешняя ночь посвящена Юмале.

Григорий провел рукой по лбу и кивнул подошедшему Игнату:

– Привет.

Старый кузнец работал проводником лет тридцать – с перерывами, конечно, не больше двух сезонов подряд – и считался самым уважаемым из тех, кто водил людей к Богине. Не как шаман, конечно, но авторитету старика могли позавидовать многие.

– Привет.

Игнат встал рядом и едва заметно кивнул на Антона.

– Ты привел?

– Ага.

– Семена человек?

– Ага. – Беспальный нахмурился. – А что случилось?

– Со мной Фрол Сургучев пришел, – негромко ответил Игнат. – Он водителем у начальника милиции работает. Все знает.

У Григория засосало под ложечкой.

– И что?

– Сам думай, – буркнул старый проводник. – Сам думай, что мне Фрол сказал.

Их было шестеро. Их всегда было шестеро, испокон веков, с сотворения мира, с появления самой жизни, ибо Юмала – Мать Всего, а значит, без нее ничего не было.

Не было.

И не будет.

И дети Юмалы обязаны заботиться о ней.

Шесть шаманов в красных одеждах стояли в глубине пещеры. Пятеро в ряд, один – выступив вперед. Перед ними замер Антон. За его спиной – Семен и Фрол, и два проводника – Игнат и Григорий. Остальные охотники давно покинули временное пристанище Золотой Женщины. Они получили все, что хотели, для чего шли. Перед шаманами стоял тот, кто хотел большего.

И неправильного.

– Ты хотел выдать Богиню чужакам, Антон.

– Археологам! Ученым!

– Чужакам.

– Они хотят узнать о ней!

– Бога не надо узнавать. В Бога надо верить.

– Бога нет.

Проводники не сдержались, переглянулись.

Кто перед ними? Человек ли? Неужели он не почувствовал тепло Юмалы? Ее дыхание? Ее любовь? Ведь даже мертвые камни оживают при ее появлении! Даже они!

Сказать ему?

Но зачем? Если он не почувствовал. Если нет у него души.

Шаман не собирался дискутировать с молодым парнем.

– Если Бога нет, что твои друзья ищут в тайге?

– Памятник истории.

– Они ищут нашу Богиню, Антон, ищут, чтобы убить.

– Бред!

– Я не могу с тобой говорить. Ты глух. Ты не слышишь мир. И для тебя нет ничего дорогого в нем.

– Я...

Шаман оборвал его небрежным взмахом руки.

– Семен. – Охотник поднял голову. – Ты допустил ошибку, тебе ее и исправлять.

Охотник взял связанного Антона за плечо, толкнул к выходу из пещеры. На поляну, где ждали решения остальные члены группы. Молодой человек все понял. Понял и закричал:

– Нет!

Огляделся с надеждой: вдруг шутка?

И задрожал.

Ибо никто не отвел взгляд. И шаманы, и проводники, и Фрол – все смотрели, как Семен уводит Антона, и молчали. Все были согласны с приговором.

– Нет!!

А Григорий размышлял над тем, что его отец проявил добросердечие: смерть от руки воина гораздо легче, чем наказание шамана.

Пятница

Дым был главной декорацией «Веселой Обезьяны» – широко известного в трущобах Гонконга заведения старого Ли. Табачный дым, неторопливо струящийся по узким коридорам и собирающийся в облака над зрительскими местами... казалось, что каждый посетитель, переступая порог «Веселой Обезьяны», считал своим долгом раскурить сигарету или сигару, обычную или с травкой, затянуться и пустить вверх ароматное колечко, внося свою лепту в формирование тумана. Дым от курящихся у идолов благовоний... куда же в Китае без идолов? Дым от горящих светильников... Старый Ли знал, что открытый огонь прекрасно оттеняет насилие, а потому не поскупился, установил в заведении не меньше десятка бронзовых чаш, над которыми плясало пламя. В дыму горели глаза игроков и букмекеров, в дыму мелькали прелести проституток – любовь тоже неплохо уживается с насилием, в дыму двигались по небольшой арене бойцы. Дым и огонь, деньги и любовь, наркотики и азарт, а главное – насилие. В «Веселой Обезьяне» проходили лучшие в Гонконге бои без правил, не похожие на те причесанные, гламурные шоу с застрахованными участниками, что оккупировали телеэкраны, а настоящие, грязные и жестокие драки. Без фальши, без обмана. А потому, несмотря на то что Гонконг стал частью социалистического Китая, заведение продолжало исправно работать, и толпа жадно следила за происходящим на арене, подбадривая гибкую красавицу, безжалостно добивающую мощного сложения корейнку.

– Врежь ей!

– Убей!

– Держись, маньчжурская тварь! Я поставил на тебя!

И прогадал.

Перед боем шансы Сеульской Принцессы выглядели предпочтительнее, она выше соперницы на десять сантиметров, тяжелее на тридцать килограммов и имеет на десять побед больше. Ставили на нее. Но Каменная Кобра оказалась лучше. Причем, к удивлению завсегдатаев, не быстрота стала главным оружием воительницы, а сила – именно в ней она превзошла корейнку. Разницу же в весе компенсировала тяжестью удара, поставленного настолько хорошо, что уже после двух удачных «крюков» Сеульская Принцесса поплыла, а последовавший за ними апперкот отправил огромную корейнку на пол. Возможно, если бы ей дали девять секунд, Принцесса успела бы прийти в себя, но гуманностью в «Веселой Обезьяне» даже не пахло, и через полминуты Кобра, споро обработавшая поверженную соперницу ногами, была признана победительницей.

– Отличный бой! – Старый Ли закрыл дверь в раздевалку и улыбнулся: – Ты просто зверь.

– Знаю.

Кобра, ничуть не смущаясь присутствия китайца, сбросила на пол кожаные лифчик и трусики, подошла к зеркалу и принялась изучать царапины на шее и щеке – в самом начале схватки корейнка несколько раз ее достала.

– А уж господин Ван как завелся... – Владелец «Веселой Обезьяны» весело хихикнул, на мгновение превратившись в копию мартышки, украшающей вывеску заведения. – Еле уговорил его не идти к тебе сразу после боя, дать мне пару минут.

– Господин Ван здесь... – протянула Кобра, продолжая изучать повреждения. – Я думала, он до конца недели пробудет в Макао.

– Здесь, здесь. И очень тебя хочет.

Насилие и любовь идут по жизни рука об руку. Многие клиенты, заведенные жестокой схваткой, жаждали обладать победительницей. Дикой, необузданной кошкой. Еще разгоряченной. Потной. Страстной.

Господин Ван любил острые ощущения.

Ли выложил на стол стопку банкнот.

– Это твой гонорар, а это... – Рядом оказалась еще одна стопка. – Презент от господина Вана.

– На пару камней хватит, – улыбнулась Кобра, бросив быстрый взгляд на деньги.

– Даже на три, – подтвердил старик, и его взгляд машинально упал на спину девушки, точнее, на шесть крупных черных бриллиантов, вживленных в тело Кобры вдоль позвоночника, от копчика до шеи. Седьмой камень – Ли знал и о нем – прятался под волосами. Более мелкие бриллианты, но тоже черные, она вживила себе в руки, в районе запястий, несколько – с левой стороны шеи и несколько на правом виске. Блестящая россыпь мелких камней потрясающе смотрелась на смуглой коже и отчетливо показывала, почему Кобра – Каменная.

– Передайте господину Вану, что мы можем встретиться, – решила девушка.

– Хорошо, – улыбнулся старик. Он не сомневался, что получит именно такой ответ. – И еще... В воскресенье можно устроить бой с Непальской Тигрицей.

– Не могу, – качнула головой Кобра.

– Предлагают очень хорошие деньги.

– Я предупреждала, что уезжаю.

– Далеко?

Девушка передернула плечиками.

– Зовите Вана.

Но старик не унимался:

– Когда вернешься?

Кобра усмехнулась:

– Не волнуйтесь, господин Ли, вернусь.

Неожиданно сильная августовская жара придавила Мадрид раскаленным прессом, горячей вьюгой прокатилась по улицам, втекая в необорудованные кондиционерами дома, с самого утра заставляя людей мечтать о сиесте. Даже ночь не приносила вожаделенной прохлады, а потому большинство мадридцев, побросав дела, устремилось подальше от пышущих жаром улиц. В горы, на побережье, к рекам – не важно, главное – вырваться из города, ставшего похожим на разогретую сковородку. Уезжали политики и бизнесмены, клерки и работники, домохозяйки и мелкие лавочники, все, кто мог себе это позволить.

Даже не уезжали – бежали.

Украшенный шашечками «Форд» осторожно пробрался по узкой, с обеих сторон заставленной автомобилями улице, остановился напротив аптеки – искать место у тротуара было бессмысленно – и выдал длинный гудок. Водитель ехавшей следом «Хонды» зевнул и взялся за лежащую на соседнем сиденье газету – объехать остановившееся такси не представлялось возможным, и ему оставалось только ждать. Дело для Мадрида обычное.

К тому же вызвавшие такси пассажиры, судя по всему, торопились.

– Хосе! Ну что ты возишься? – Первой из аптеки вышла хрупкая женщина лет тридцати пяти – сорока на вид. Светлые волосы стянуты в пучок. Платье максимально легкое, открытое везде, где только возможно. – Давай скорее!

Она уже шагнула к машине, когда из подъезда напротив выскочила пожилая тетка и суматошно замахала руками:

– Тереза!

– Мария, добрый день!

– Тереза, милая, как хорошо, что я вас застала!

– Мария, милая, мы уже закрылись...

– У Карлоса опять разболелась спина. Тереза, умоляю, один флакон вашего чудесного бальзама. Пока вы не уехали.

Хозяйка аптеки растерянно посмотрела на таксиста:

– Мы успеем, если задержимся на пару минут?

– Думаю, да.

– Хорошо. Мария, я сейчас... – Тереза вернулась к дверям аптеки и крикнула: – Хосе!

Подожди! Не закрывай! Принеси флакон...

– Ах, ах, хорошо! Сладенький, хорошо...

Предварительные ласки остались в прошлом. Невада уже ощупал девчонку, с удовольствием помял ее небольшую грудь с пухлыми розовыми сосками, и теперь его руки поддерживали бедра партнерши, не позволяя ей сползти с узенькой столешницы самолетного туалета.

– Еще, еще... сильнее...

Глаза закрыты, губы шепчут стандартный бред, волосы растрепаны, блузка и короткая юбочка задраны, а пальцы сдавливают плечи любовника. Все как обычно. Впрочем, гораздо больше Неваду занимали его собственные ощущения, приближение финала, и он все ускорял и ускорял движения.

– Сильнее... сильнее...

Снять девчонку оказалось не трудно. Во-первых, Невада Крус нравился женщинам: высокий, худощавый, с черными волосами до плеч – романтические девушки находили в его облике нечто демоническое и охотно сдавались после первой же атаки. Во-вторых, он умел одеваться, предпочитал костюмы классического покроя, которые носил с вызывающей элегантностью, и цветные шелковые сорочки. Вот и сейчас черная пара замечательно оттеняла темно-синюю рубашку, привлекая женские взгляды. В-третьих, Невада путешествовал первым классом и прекрасно знал, что его перемещения по самолету не остаются без внимания пассажирок экономического. Девчонкам нравится запах денег, они свято верят в историю Золушки и с радостью примеряют на себя хрустальные туфельки. Не задумываясь, что в большинстве случаев это – стеклянная китайская подделка.

Вздremнув, отобедав и приняв пару коктейлей, Крус почувствовал желание развлечься и неспешным шагом отправился в путешествие по салонам самолета. Легко нашел цель: одинокая, похожая на студентку симпатяга, глаза которой вспыхнули при появлении богатого красавца, и чуть задержался напротив ее кресла. Ровно настолько, чтобы дать понять, что он ее заметил.

Девчонка подошла, когда Невада стоял у дверей туалета и вертел в руке пачку сигарет.

– А я думала, здесь нельзя курить.

– Увы, – вздохнул он. – Стюард уже предупредил.

– Умираю без курева.

– Я тоже. – Крус улыбнулся. – Меня зовут Борис.

– Света.

– Едешь домой на каникулы?

– Наоборот, возвращаюсь на студенческую скамью. Я стажировалась в нашем посольстве.

«В нашем посольстве...» Невада отметил, что его русский, несмотря на полуторагодичное отсутствие практики, остался на высоте.

– Учишься в МГИМО?

– МГУ. Юрфак. А ты чем занимаешься?

– Зарабатываю деньги.

С одной стороны, после знаменитой сцены из знаменитого фильма заниматься любовью в самолете стало пошло. Можно сказать – обыденно. Исчез элемент новизны. Зато на пошлость легко клеить девчонок. У них все наоборот: раз показывают в кино, значит, круто и модно. И им без разницы, что места в заоблачных сортирах совсем чуть-чуть. Зато будет о чем рассказать подружкам...

Она всхлипнула и вцепилась ногтями в его плечо. Тихо выдохнула.

Он взорвался на мгновение позже. И тоже бесшумно – зачем привлекать ненужное внимание? Несколько секунд постоял, переживая ощущения, затем отодвинулся от девчонки, снял презерватив и бросил его в унитаз.

– А ты мужик, – одобрительно пробормотала девушка, поправляя лифчик.

– С тобой хорошо, – в тон ей отозвался Крус.

– Правда?

– Конечно. – Невада застегнул штаны и улыбнулся: – С тобой было очень хорошо.

– Мы увидимся?

Он не собирался встречаться с этой дурой. Но не любил расставаться плохо. Пусть улыбается на прощанье.

– А ты хочешь?

– Мне понравилось.

– Тогда без проблем.

Невада записал номер ее телефона, крепко поцеловал в губы и открыл дверь. И встретился с недовольным взглядом толстой матроны. Девчонка хихикнула.

– Шлюха, – процедила тетка.

– Завидуешь?

Невада усмехнулся и направился в свой салон.

В любом городе самое спокойное место – река.

Разумеется, с этим утверждением можно поспорить. Вспомнить деловые Дунай, Майн, Сену или Волгу, по которым то и дело проходят баржи и пассажирские суда, а на причалах и в портах стоит такой шум, что с трудом слышишь собеседника. Вот только подобные воспоминания не совсем корректны. Беспокойными и шумными реки делает город. Сами же они лишь позволяют людям пользоваться водами, оставаясь при этом величавыми и неторопливыми. Сотни лет тягучего путешествия научили реки оставаться спокойными. Из порта в порт, от причала к причалу, от истока к устью несут они свои воды, наблюдая за кипящей вокруг жизнью. И если обитатели прибрежных городов забывают о чистоплотности, превращая свою реку в помойный сток, это ничего не меняет. Мусор постепенно исчезнет, что-то утонет, что-то выплывет на берег, что-то растворится в потоке, протекут километры, и река вернет себе привычный облик.

– Хорошо здесь... Хорошо...

Стоящий на набережной старик понимал толк в реках. И в спокойствии, которое они несут. Он умел подстраиваться под неспешное течение волн и успокаиваться, отдыхать душой. Он видел вечные воды и не обращал внимания ни на стайки использованных презервативов, ни на пустые сигаретные пачки и грязные тряпки, на весь тот мусор, что плавал у набережной Москвы-реки. И даже запах, в котором ощутимо чувствовался аромат гнили, его не смущал.

Мужчина видел суть, прикасался к душе реки.

– Хорошо...

Могло показаться, что он спит стоя, и лишь редкие слова, свидетельствовавшие об окутавшей душу безмятежности, показывали, что мужчина бодрствует.

– Какая тишина...

Малюсенький тойтерьер, сидящий на парапете, громко тьякнул. Некоторое время пес терпеливо ждал любующегося рекой хозяина, но теперь или замерз, или соскучился, а потому решил напомнить о себе.

Мужчина с шумом втянул ноздрями прохладный воздух, подумал, достал из кармана платок, высморкался и только после этого обратился к спутнику:

– Извини, я задумался.

Они были странной парой. Ушастый карликовый пес и длинный старик. Собака выглядела ухоженной, аккуратной: рыжая шерстка блестит, на лапках нет и следа грязи, не жирная, но вполне упитанная. А вот старик... Нет, он не был похож на бродягу: приличная одежда, не стоптанная обувь, чистые волосы. Но, как ни странно, общее впечатление было... серым. Именно серым. Неприкаянным.

Старик вызывал жалость, ибо было отчетливо видно, что он давно и безнадежно одинок.

Пес лизнул хозяину ладонь.

– Да, конечно, я все помню.

Мужчина вытащил из лежащей у ног сумки маленькую банку собачьих консервов, вскрыл ее и аккуратно выложил содержимое на кусок газеты.

– Кушай, друг.

Пес жадно набросился на еду.

А его хозяин медленно провел рукой по волосам и вновь отвернулся к реке.

Суббота

– Ариф, давай вместе? – Юноша игриво наклонил голову. – Когда мы вместе, всегда везет!

Большеглазый, большегубый, с аккуратно подстриженными пшеничными волосами, он был одет в тонкую трикотажную кофту, плотно облегающую подтянутый торс, и узкие джинсы, выгодно подчеркивающие упругие ягодички. Ручки нежные, изящные, ногти покрыты бесцветным лаком, а в ухе игриво поблескивает золотая сережка.

Красавчик.

К тому же не на выданье, а с завидным кавалером.

– Ариф, ну, пожалуйста! – Юноша заломил руки и принялся дурашливо умолять друга: – Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

– Ладно!

Мужчина, которого красавчик назвал Арифом, положил широкую ладонь на узкие пальчики юноши, и они вместе надавили на ручку игрового автомата. Колесики завертелись, на экране зарыбились яркие символы, и когда, наконец, мельтешение прекратилось, игрокам выпал небольшой выигрыш.

– Я говорил! Говорил!

Юноша захлопал в ладоши и чмокнул друга в щеку. Тот не возражал, его забавляла непосредственность спутника.

Выглядел мужчина именно так, как должен был выглядеть спутник гламурного красавчика: холеный, уверенный в себе, плотный. Не старый, лет сорока пяти, но седины в волосах уже много. Впрочем, черная с серебром шевелюра смотрелась весьма импозантно.

– Ариф, давай еще раз? Пожалуйста!

– Хорошо.

– Вот здесь! Я чувствую, мы снова выиграем! – Красавчик увлек Арифа к другому автомату. Прижался к плечу. – Мне так хорошо с тобой.

– Чуть скромнее, – едва слышно приказал Ариф. – Не надо привлекать внимание.

Мужчина оглянулся, и второй раз за последние пять минут его взгляд устремился на одного из посетителей казино – сидевшего за карточным столом молодого черноволосого парня в элегантном темно-сером костюме классического покроя и бордовой шелковой рубашке. Судя по всему, длинные волосы игрока не давали Ариффу покоя.

Его юный приятель заметил взгляд, чуть надул губы, но тут же вновь заулыбался, взял ладонь мужчины в руки и прижал к груди:

– Я люблю тебя. Пусть все видят. Или ты меня стесняешься?

– Не говори ерунды. – Ариф усмехнулся. – Давай сыграем.

Сардар, стоявший в пяти шагах от любовников, скривился.

В душе скривился, разумеется, глубоко в душе, на лице же не дрогнул ни один мускул. Однако неудовольствие телохранителя вызвал не спутник Арифа – к пристрастиям хозяина Сардар давно привык и воспринимал череду красивых мальчиков как само собой разумеющееся, – а поведение щенка, еще не привыкшего к статусу друга большого человека. Дорвавшийся до бездонного кошелька Арифа мальчишка хотел тратить деньги шумно, открыто, вызывая зависть у бывших дружков, не сумевших пока обзавестись приличными любовниками и теперь злобно тарасившихся на счастливого из дальнего угла зала. Белокурый красавчик упивался своей радостью, а влюбленный Ариф во всем ему потакал и вместо того, чтобы расположиться в уютном помещении для избранных, послушно таскался с приятелем по общедоступным залам казино.

– Мы опять выиграли!!

Длинноволосый игрок бросил на любовников внимательный взгляд, но тут же вновь вернулся к картам.

Комплекс сиял, сверкал, вспыхивал огнями, навязчиво и агрессивно переливался всеми цветами радуги, создавая атмосферу локального праздника. На соседней улице ночь, темные окна домов, редкие машины, а здесь – карнавал, брызги смеха, искусственно созданное веселье. Другой мир, другая жизнь. С одной стороны – мир, в котором даже по субботам ложатся рано, потому что некуда идти, или засыпают перед телевизором. Мир, в котором молодняк накачивается дешевым пивом на грязных лавочках, а взрослые угрюмы даже в Новый год. С другой – оазис азарта, бурлящий, подобно чайнику, окруженному десятком грязных кастрюль. Казалось, темные громады спящих домов смотрят на искрящийся разноцветным фонтаном комплекс укоризненно, даже осуждающе. Казалось, залитый светом дворец отвечает им презрительными взглядами.

Два мира, две жизни.

До сих пор Ильгар не представлял, как трудно будет решиться войти внутрь. Конечно, развлекательный комплекс – это не секретный военный завод, паспорт на входе никто не требует, но охранники смотрят внимательно, цепко, уверенно вычленивают из потока посетителей нежеланных гостей. Насчет «фейс-контроля» Ильгар не волновался: одет он подобающим образом, выглядит нормально, в «черном списке» не значится. Беспокоило его другое. Вряд ли охранники запоминают всех входящих, но для этого есть видеокамеры, записывающие происходящее в комплексе, а отснятые материалы хранятся службой безопасности не менее недели.

Именно об этом он и пытался сказать разработавшему план человеку.

«Они просмотрят записи, увидят меня, и расследование на этом закончится. Я стану главным подозреваемым».

Старик ответил со спокойной уверенностью, которой так недоставало самому Ильгару:

«Я никогда не ошибаюсь. План совершенен. Тебя никто не запомнит и никто не запишет. Главное – действовать с идеальной точностью. Секунда в секунду. Выдержишь график – выполнишь дело и спокойно уйдешь».

Но старик остался в безопасном месте, он не собирался приближаться к комплексу. А Ильгару предстоит выполнить самую сложную часть плана.

«Это твой выбор».

«Да, мой. И жизнь тоже моя».

И устыдился собственной трусости. Он ведь поверил в план, который ему предложил старик. В idiotский, совершенно невозможный план. Рассказать кому – засмеют. А он поверил. А раз поверил, то надо идти до конца. Если старик действительно знает больше других, если idiotский план работает, то и остальным его словам можно доверять.

Ильгар посмотрел на часы: в двери надо войти через тридцать секунд. Шесть шагов.

«Решайся!»

В последний раз затянулся сигаретой, бросил окурочек в урну и уверенно направился к подъезду.

Он заставил себя отринуть сомнения. Он оказался в здании ровно в то время, о котором говорил разработчик плана, спокойно прошел мимо охраны и направился в бар. Его костюм был в порядке, он вел себя нормально. Его не запомнили.

А в тот самый момент, когда Ильгар открыл дверь, в одной из комнат технических служб комплекса раздалась громкая брань.

–..!

– В чем дело?

– Третья камера вырубилась.

– Дерьмо! – Начальник смены уставился на зарябивший «белым шумом» монитор. – Я ведь велел ее поменять.

– Так запасные кончились, я написал Шамилю, чтобы он купил, пометил «срочно», а он, шакал, только под вечер привез. Мы и решили, что она дотянет до завтра.

– Решили! – Начальник смены добавил пару крепких выражений, подумал и велел: – Хватай стремянку и вперед. Чтобы через пять минут все работало!

– Без штрафа?

– А это уж как получится. Если хозяйева меня накажут, тебе тоже достанется.

– Знаешь, я так волновался... – Юноша отхлебнул «Маргариту», поставил бокал на стойку и улыбнулся. Немного грустно, немного застенчиво. Очень продуманно. – Твоя свадьба... Я сильно переживал.

– Боялся, что я тебя брошу?

– Это другое, – вздохнул юноша. – Мне плохо без тебя, Ариф. Когда ты рядом, я чувствую себя защищенным. Мне хорошо. Наверное, это любовь, да?

– Наверное.

– Я боялся, что твоя жена встанет между нами.

– Не встанет, – пообещал мужчина.

– Правда?

– Коленька, я тебе сто раз говорил: наши отношения не изменятся.

– Я помню. Я тебе верю.

Юноша сделал движение. Чуть потянулся, словно хотел поцеловать любовника в губы. Остановился, словно опомнившись. Виновато посмотрел на друга. Виновато, но с хитринкой, как шаловливый котенок.

Ариф понял намек: пора ехать.

Он допил коктейль, а когда ставил бокал на стойку, поймал взгляд давешнего игрока в бордовой рубашке. Взгляд, в котором можно было уловить презрение. Похоже, длинноволосый предпочитал другие игры. Ну и что? Тем не менее неприятный осадок остался: чернявый Ариф приглянулся. Узнать кто? Да черт с ним! Мало, что ли, симпатичных мальчиков вокруг?

Мужчина поднялся:

– Подожди меня здесь. Я схожу в туалет, и поедем ко мне.

– А твоя жена?

– Она в доме. А мы поедем в квартиру.

– Как скажешь.

Юноша проводил друга взглядом, лениво глотнул «Маргариту» и свысока покосился на бывших приятелей. Высокомерно усмехнулся, увидев продемонстрированный ему средний палец.

«Неудачники!»

Сардар знал свои обязанности хорошо, можно даже сказать – отлично. Умел он и группой командовать, распределяя обязанности между командой телохранителей, и в «одиночном плавании» не терялся.

В туалетную комнату Сардар вошел первым. Быстро осмотрелся: никого подозрительного, точнее говоря – вообще никого, комната оказалась пустой, открыл дверь кабинки, внимательно оглядел и ее, после чего сделал шаг назад и в сторону, пропуская хозяина к проверенному толчку.

Ариф, который во время телодвижений Сардара рассеянно разглядывал свое отражение в зеркале, прошел внутрь, закрыл за собой дверь, спустил штаны и стал медленно опускаться на унитаз. И вдруг вздрогнул, почувствовав болезненный укол в ягодицу. Хотел возмутиться:

«Что за...»

Но мысли неожиданно смешались.

«Боль!»

«Непорядок».

«Меня ударили?»

«Позвать...»

Мышцы онемели, перестали слушаться, Ариф издал короткий всхлип, или последний вздох, обмяк окончательно, продолжил движение на унитаз, вобрав в себя острие спрятанного в нем оружия, а затем повалился вбок, уткнулся в стенку и медленно сполз на идеально вымытый кафель пола.

Когда ошарашенный Сардар выломал дверь кабинки, Ариф был безнадежно мертв.

* * *

– Степка, поворачивай!

– Сама поворачивай!

– Я не буду!

– И я не буду!

Два катера, оставляя за собой пенные хвосты, стремительно мчались навстречу неизбежному столкновению. Третья модель, которой управлял самый младший из детей, четырехлетний Костя, в одиночестве накручивала «восьмерки» на безопасном расстоянии от не поделивших пруд корабликов. Костя, несмотря на возраст, понимал, что неспособен состязаться со старшими детьми в управлении игрушками, развлекался самостоятельно и не обращал никакого внимания на назревающую ссору.

– Степка! – Голос Ларисы сорвался. Чувствовалось, что девочка готова разрыдаться. – Поворачивай!

Но сама не уступала, продолжая вести катер выбранным курсом.

Остальные дети, ждавшие своей очереди поиграть с моделями, заворуженно наблюдали за сближающимися катерами, ожидая развязки со смесью ужаса и любопытства. Ужаса – потому что в случае поломки моделей увлекательная игра «в кораблики» прекратится. Любопытства – потому что детей всегда интересует еще не изведенное, невиданные ситуации, а возможная гибель корабликов относилась именно к таким событиям. Опять же: Ларису и Степана наверняка накажут, а на это стоит поглядеть.

– Степка!!

Мальчик пошевелил джойстиком в самый последний момент, когда всем стоящим на берегу, не только детям, но и взрослым, уже казалось, что столкновения не избежать. Белый катер принял вправо, уступил путь ярко-красной модели Ларисы и заложил пижонский вираж за ее кормой.

– Дурак!

– Испугалась?

– Дядя Федя, скажите ему, что он дурак! – попросила девочка, не спуская глаз с несущегося по водной глади катера.

Красной модели ничего не угрожало, белый хулиган Степана накручивал бессмысленные круги в центре пруда, но Волков видел, что сын медленно подводит катер к игрушке Костика.

– Дядя Федя...

– Дядя Федя не скажет, – решительно произнесла Оксана. – И правильно сделает.

– Почему правильно? – Лариса удивленно посмотрела на мать.

– Потому что это ваша игра и вы сами должны разобраться между собой. – Оксана потрепала дочь по волосам и велела: – Все, смена закончилась, меняйтесь!

– Тетя Ксюха, я хочу красный кораблик, – заскулил кто-то из следующей троицы счастливых.

– Тетя Ксюха, а я хочу белый!

– Белый мой! Я его сразу забил.

Волков усмехнулся.

Но рассмешили его не требования малышни, а их обращение – «тетя Ксюха». Дети тусовки. С самого рождения они вошли в дружную компанию родителей и, разумеется, переняли клички, которыми те наградили друг друга. Так и появились: «тетя Ксюха», «дядя Петрович», «тетя Шашка»... Кстати, Рита Шашкина (когда-то Шашкина), третья бывшая Левы Корзинкина, в эти выходные тоже гостила у Стрекаловых, и «тетя Шашка» прозвучало не один раз.

Самого Волкова дети начинали звать «дядя Очкарик», но долго не выдерживали: во-первых, не удобно, на язык плохо ложится, а во-вторых, мелкие никак не могли понять, почему – Очкарик, если дядя Федя никогда в жизни не носил очки? Подрастая, они узнавали, что кличка приклеилась к Волкову из-за ума: слишком хорошо учился в школе и институте, слишком хорошо работает, поэтому – или Очкарик, или Умник, люди редко страдают богатством фантазии. Узнавать-то узнавали, но для них он уже был дядей Федей, кличка же оставалась для друзей и сослуживцев.

А очки... чтобы носить очки, недостаточно быть умным, нужно плохо видеть.

– Соскучился?

Голос Оксаны вернул Федора в реальность.

– Нет, – протянул он в ответ. – Задумался.

И привычным жестом потер пальцами переносицу.

– Настоящий мужик даже на отдыхе думает о работе, – подначила Волкова Рита.

– Откуда ты знаешь, что он о работе думал?

– Ты на рожу его посмотри, – рассмеялась «тетя Шашка». – С таким выражением только о ней, родимой, и думать. Не о женщинах же.

– О некоторых женщинах только с такой рожей и следует думать, – усмехнулся в ответ Федор.

– Очкарик, здесь же дети!

– А что я сказал?

– Не сказал, а подумал!

Рита и Оксана переглянулись и прыснули.

– Блин, девчонки, не мучайте меня, а? – жалобно попросил Федор.

– Десять минут пробыл с детьми и уже измучился?

– Мужики, они такие... Никакой выносливости.

Женщины расхохотались. Волков улыбнулся, вновь потер переносицу и нашел взглядом сына, который играл с Костиком и позабывшей обиду Ларисой в салки. Визг, смех... Степке у Стрекаловых хорошо: и места много, и друзья давным-давно знакомые, можно сказать, в колясках рядышком лежали. Впрочем, здесь почти все могли похвастаться тем, что знают друга друга с пеленок.

– Владик, ну кто же так рулит? – Рита присела на корточки и принялась помогать малышу отвести от берега застрявший катер.

– Мы с Шашкой здесь еще побудем, – сказала Оксана. – А ты, Очкарик, можешь двигать к мужикам, иначе совсем закиснешь.

– Охотно, – не стал спорить Волков. – Тем более Петрович грозился выкатить какой-то необыкновенный херес на дегустацию.

– Смотрите не надегустируйтесь до остекленения.

– Ты же нас знаешь.

– Поэтому и предупреждаю, – рассмеялась Оксана. – За ужином вы должны быть как огурцы. Ночью нажретесь.

Ужины в доме Стрекаловых длились долго, с обстоятельными беседами, дружескими сплетнями, шутками и обязательным присутствием детей. Зато потом наступало время «взрослых» разговоров под звяканье хрусталя и минимум закуски. Бывало, мужики отправлялись спать после пробуждения детей, однако Оксана относилась к их посиделкам спокойно.

– Повезло нам с тобой.

– Да уж.

Оксана потрепала Волкова по волосам и чмокнула в щеку. Как сестра. Родились в одном роддоме, с разницей в неделю, выросли в одном дворе, вместе учились. И при этом никогда, даже когда у пятнадцатилетнего Очкарика гормоны плясали джигу, он не рассматривал Ксюху как объект внимания. А все потому, что еще в первом классе не по годам серьезный малыш Илья Стрекалов, которого с пяти лет звали Петровичем, заявил, что женится на красавице Ксюхе. А слово друга в их компании всегда было законом.

– Петрович слевой в кабинете засели.

– Знаю.

Волков еще раз посмотрел на сына, развернулся и направился к дому.

– Потрясающе, – прошептал Корзинкин, проводя пальцами по цепи. – Считаю, Петрович, что ты меня в очередной раз удивил.

– Но не так, как в прошлый раз, – уточнил Стрекалов.

– Ты имеешь в виду часы?

– Угу.

– Пожалуй, – признал после паузы Лева. – Часы, насколько я понимаю, были для тебя некой вершиной. Так?

– Верно, – согласился Петрович.

– А это – заготовка. Часть чего-то большего.

– Угадал.

– Но все равно потрясает.

Конструкция, что произвела столь сильное впечатление на Корзинкина, не была особенно сложной. Две шестерни, одна побольше, снабженная рукоятью, другая поменьше, сантиметров десяти в диаметре, были установлены на штативы и связаны между собой цепью. Обычная передача, какую увидишь в любом велосипеде. Вот только сделаны были шестерни, штативы и цепь из стекла. Каждое звено отлито с необычайным тщанием, скреплено с другими тончайшими металлическими стержнями, и гибкостью стеклянная цепь не отличалась от обычной.

– Чего ты задумал? – осведомился Корзинкин. – Стекланный велосипед?

– Его уже делали, – серьезно ответил Петрович. – Есть сведения, что Орлов...

– Граф?

– Нет, купец, основатель лучшего в России стекольного производства. – Стрекалов прищурился: – Так вот, есть сведения, что он сделал стеклянный велосипед. Целиком стеклянный – от сиденья до колес. Только шины стояли обычные.

– И на нем можно было ездить?

– Разумеется, можно. – Стрекалов провел рукой по цепи и задумчиво добавил: – Дети катались.

– Игрушка.

– Уникальная игрушка, – уточнил Илья.

Внешне Стрекалов и Корзинкин были и похожи и не похожи друг на друга. Оба невысокие, оба, несмотря на относительную молодость – даже сороковник не разменяли, разве это возраст? – растеряли почти всю шевелюру. Вот только Лева оставшиеся на висках и затылке

волосы отращивал и вязал в игривый хвост, а Илья брил голову почти под «ноль». Оба не отличались худобой, но Корзинкина можно было свободно назвать «несколько полным» (злопыхатели и вовсе предпочитали термин «расплывшийся»), а вот при взгляде на плотного Стрекалова люди понимали, что он не забывает посещать спортивный зал. Лицами же друзья были абсолютно не похожи. У Левы – античной лепки, глаза чуть навывкате, нос чеканного профиля, у Ильи – круглое, непримечательное, с носом картошкой и сохранившимися с самого детства толстыми щеками. «Рожа рязанская», смеялась Оксана, однако во взгляде маленьких серо-стальных глаз Стрекалова читались глубокий ум и неукротимая решительность. Предки Ильи были деревенскими, но не деревенщиной.

– Так что же ты задумал?

– Секрет.

Они вернулись в кресла, удобно развалились на мягких подушках, пару мгновений молча смотрели друг на друга, а затем Петрович потянулся и взял со стола деревянную шкатулку:

– Будешь?

– А как же! – с энтузиазмом отозвался Корзинкин. – Побывать в гостях у олигарха и не выкурить сигару? Меня же засмеют.

– Теперь не засмеют.

Илья обрезал две длинные «Гаваны», и спустя несколько секунд к потолку устремились клубы ароматного дыма.

– Хорошо... – протянул Корзинкин. Помолчал и, внимательно глядя на Стрекалова, негромко закончил: – Жаль, что Яшка не приехал.

– Жаль, – спокойно отозвался Петрович.

В его тоне не было ни раздражения, ни досады, Илья понимал, что рано или поздно они упомянут в разговоре четвертого друга.

– Звонил?

– Я ему, – уточнил Стрекалов. – Когда приглашал.

– А он не перезвонил.

– Угу.

Лева повертел в руке тлеющую сигару.

– Мама Валя говорила, ты ему работу предлагал?

– Угу. – Илья пустил колечко дыма и разглядывал его с таким вниманием, словно именно в этой призрачной конструкции заключался Божий промысел. – В очередной раз.

– Он снова отказался?

– Сказал, что у него все в порядке.

А сейчас в голосе промелькнула обида.

Из четверки неразлучных друзей Стрекалов добился больше остальных: владелец крупной финансовой компании, миллионер, известный в стране человек, он мог очень и очень много, но... но его друзья, самые настоящие, «родом из детства», не спешили обращаться за помощью. Яшка, которому хронически не везло в жизни, уверял, что у него «все в порядке», Корзинкин, попавший когда-то в широкую черную полосу, категорически отказался от предложения Ильи пойти работать на его фирму.

«Деньги приходят и уходят, – философски заметил тогда Лева. – Сегодня я бедствую, завтра поднимусь. А рисковать нашей дружбой не хочу. Сейчас ты для меня не господин Стрекалов, президент и благодетель, а просто Петрович, и я могу в любой момент дать тебе в глаз или обругать так, как сочту нужным. И ни за какие деньги от этого не откажусь».

Стрекалов не обиделся, помог другу другим способом, поддержал. Лева пережил полосу, нашел отличную работу, затем открыл свое дело и вот уже много лет чувствовал себя весьма и весьма уверенно. И не отказывал себе в удовольствии ругать Петровича так, как считал нужным.

А вот Яша преодолеть затянувшийся кризис не мог. Но Илье в нежелании друга получить помощь виделись совсем иные, нежели у Корзинкина, причины.

– Мне кажется, он нас обвиняет, – вздохнул Стрекалов.

– В чем?

– В том, что у нас все нормально.

– В таком случае у него началась последняя стадия деградации, – проворчал Лева. –

Обвинять других в собственных проблемах – это пик лузерства.

Корзинкину не понравился ход разговора, но и спорить со Стрекаловым Лева не стал: Петрович умный, Петрович в людях разбирается, и Петрович Яшку любит.

– Он считает, что мы стали людьми другого круга, – закончил Корзинкин.

– Угу, – согласился Илья.

И оба подумали об одном: настоящая дружба «кругов» не замечает.

И еще подумали: тему надо сворачивать.

– Кстати, пора бы Очкарику появиться. – Лева бросил хищный взгляд на бутылку необыкновенного хереса. – Долго мы его ждать будем?

– Не будем, – решил Петрович. – Кто знает, чего он на пруду застрял? Может, утонул.

– Разливай, – улыбнулся Корзинкин и потянулся за бокалами.

Пруд располагался к югу от дома Стрекаловых, метрах в ста, а ведущая к нему дорожка проходила через небольшую рощицу, среди деревьев которой пряталась уютная беседка с резными деревянными колоннами и зеленой восьмиугольной крышей. Идущий быстрым шагом Волков почти проскочил мимо нее, но, услышав негромкий окрик: «Федя!», немедленно остановился, развернулся и подошел к сидящей в беседке женщине:

– Да, Валентина Сергеевна?

– Торопишься?

Мама Петровича жила отдельно. Шутила, что «дом двух хозяек не терпит», и обосновалась неподалеку, в собственном коттедже. Но выходные, разумеется, проводила у сына.

Утром она занималась с детьми, руководила играми на поляне, но к пруду, сославшись на усталость, не пошла, предпочла чтение в беседке. Теперь же, судя по всему, книга ей надоела и захотелось поговорить. Волков, несмотря на то что его ждали друзья, отказываться от предложения поболтать не стал, вошел внутрь, присел на соседнюю лавку и покачал головой:

– Нет, не тороплюсь.

– Врешь.

– Никогда!

Мама Валя улыбнулась. Невысокая, полная, с морщинистым лицом и длинными, собранными в пучок на затылке, совершенно седыми волосами, она, несмотря на итальянский брючный костюм, выглядела стопроцентной русской бабушкой. Каковой, в сущности, и была. Девтора ее обожала.

– Ты редко здесь появляешься, – посетовала Мама Валя. – Я соскучилась.

– Дела, – пожал плечами Федор.

А что он еще мог сказать?

– У Левы тоже дела, но он бывает у Илюши не реже двух раз в месяц, – заметила старушка.

– Ему детей нужно развлекать.

– А тебе не нужно?

– У меня один Степан, а у Левы... – Очкарик махнул рукой: – Лева сам уже со счета сбился.

– Это верно, – улыбнулась Мама Валя. Она положила книгу на столик, внимательно посмотрела на Волкова и спросила: – Как там у тебя?

– Рутина.

– Ой ли? – недоверчиво прищурилась старушка.

– По-прежнему ловлю жуликов, – вздохнул Федор. – Но меньше их не становится.

– Тебя это беспокоит?

– Ни в коем случае! – честно ответил Очкарик. – Если все станут честными, я останусь без работы.

– Которая тебе нравится, – уточнила Валентина Сергеевна.

В свое время решение Волкова надеть погоны вызвало у друзей непонимание. Во-первых, ни в счастливом детстве, ни в романтической юности Очкарик не проявлял никакого желания стать сыщиком. Во-вторых, Федор считался прекрасным инженером, ему предлагали пойти в аспирантуру, заняться научной работой, но... Но после защиты диплома Волков пошел на службу в МВД. Причем не в техническую часть, а в розыск, и одновременно поступил в Академию. Друзья, с трудом принявшие его выбор, тем не менее ни на мгновение не усомнились в том, что замысел Федора осуществится, и не ошиблись: карьера у Волкова складывалась успешно. Тридцать шесть лет, а уже полковник, высокая должность в министерстве, а самое главное – занятие приносит удовлетворение.

– Да, работа мне нравится, – помолчав, признал Очкарик. – И вы об этом знаете.

– Хотела убедиться, что ты не изменился.

Старушка откинулась на спинку скамьи и рассмеялась.

Волков понял, что она хочет продолжить разговор, но не знает о чем. О работе? Мама Валя знала, что Очкарик не станет откровенничать, не будет рассказывать о делах, которыми занимается. О Степане? Она и так все знала. О личной жизни? Эту тему в разговоре с Волковым старались не поднимать. Тогда о чем? Взгляд Федора упал на книгу:

– Что читаете?

Старушка прекрасно поняла причину неожиданного интереса Волкова. Она машинально прикоснулась к лежащему на столе томику и ответила:

– Роман о потерянном поколении.

– Любопытно... – протянул Очкарик. – Кто автор?

– Катя Турдон.

– Не слышал.

– А про Алексея Турдона?

– Журналиста?

– Да.

Это имя мелькало в светской хронике так часто, что Федор не мог его не слышать.

– В таком случае все понятно, – усмехнулся Волков. – Сейчас модно быть писателем.

Тем более когда папа...

– Муж, – поправила Очкарика Мама Валя.

Федор вспомнил, как выглядит известный телеведущий, прикинул его возраст и осведомился:

– Разница у них лет тридцать?

– Почему ты так решил?

– Будь она мужу ровесницей, вряд ли бы назвала себя Катей. – Волков кивнул на обложку.

– Ты слишком суров, – посетовала Мама Валя. Но посетовала не всерьез, защищать девушку старушка не собиралась.

– Сколько ей?

– Двадцать пять.

– Молодая и талантливая... – Очкарик ядовито улыбнулся. – В двадцать пять лет она уже столько знает о потерянном поколении, что пишет книгу. Позвольте осведомиться, что именно потеряло ее поколение? Флаерс на концерт? Клубную карту?

– Катя пишет о вашем поколении, – уточнила Мама Валя.

– О нашем поколении? Как мило. – Волков быстро подсчитал годы: – В девяностом ей было девять лет. Что она знает о потерянном поколении?

– Полагаю, ей рассказывал супруг.

– Рассказывал, – саркастически повторил Очкарик. – Что он ей рассказывал?

И поймал себя на мысли, что тема разговора его задела. Сильно задела. Обычная невозмутимость отступила, и Федор говорил весьма резко, не скрывая эмоций. Впрочем, открывать душу Маме Вале Волков не стеснялся.

– Есть люди, которые пишут исторические романы, опираясь на архивные материалы и свидетельства современников, – напомнила Валентина Сергеевна. – Обычная практика.

– При этом они вносят что-то свое.

– Писательский вымысел.

– Поэтому большее доверие у меня вызывают хроники и мемуары, – отрезал Очкарик.

Правда, не уточнил, что, бросив исторические романы, на упомянутые хроники и мемуары не перешел – времени на чтение у Волкова не оставалось.

– А вот у меня мемуары не вызывают доверия, – задумчиво произнесла Валентина Сергеевна. – В них все приукрашено. Человек слаб, ему хочется показать себя лучше, чем он есть на самом деле. Я как-то читала воспоминания одного бизнесмена... – Быстрый взгляд на Федора, тот кивнул – понял, о ком говорит старушка. – А когда спросила у Ильи его мнение о книге, он поднял меня на смех.

– Есть такое дело, – согласился Очкарик. – Но в мемуарах – дух эпохи. Автор может приукрашать себя сколько угодно, но дух этот вытравить не в силах. И суть свою он не изменит: думать не так, как привык, не сможет, и за глянцевыми буквами все равно просветится настоящее... Лицо или рыло, в разных случаях по-разному, но просветится. – Волков помолчал. – Если бы роман написал сам Турдон, это одно. Но его молодая жена... Я не понимаю, зачем вы тратите время на подобное чтение?

– Могла бы просто поговорить с тобой?

– Со мной или с Петровичем. Или слевой.

– И ты бы все мне рассказал?

– Вы ведь знаете, что я вас никогда не обманывал.

– Верно, не обманывал, – кивнула Мама Валя. – Просто иногда ты отказываешься отвечать на вопросы.

Очкарик молча развел руками, всем своим видом показывая, что следует думать, какие вопросы можно задавать, а какие – нет.

– Впрочем, не буду скрывать: ты прав, я не ждала от этой книги многого. – Старушка снова улыбнулась. – Мне был интересен взгляд со стороны.

– Взгляд этой девицы? – удивился Федор.

– Она имеет право на свою точку зрения, – отрезала Валентина Сергеевна. – Она постаралась ее высказать, и мне было интересно узнать, что «эта девица» думает о моих детях.

Шесть лет назад умер отец Левы, из всех родителей осталась только Мама Валя, и иногда она обо всех друзьях говорила как о своих детях.

– И что она думает? – любопытно спросил Федор.

– Неважно. В чем-то я с Катей согласна, в чем-то нет. Но теперь мне стало интересно: ты ощущаешь себя частью потерянного поколения?

Вот тебе и поболтали.

– Непростой вопрос, – после паузы пробормотал Очкарик.

– Спасибо.

Волков подумал еще пару секунд, затем медленно начал:

– С одной стороны, ни я, ни Лева, ни Петрович не потерялись.

– Верно, – подтвердила Валентина Сергеевна.

– Но это еще не значит, что мы не из потерянного поколения.

– Тоже правильно.

– Но что есть потерянное поколение?

– Объясни ты. Если, конечно, чувствуешь себя его частью. Если согласен с такой постановкой вопроса.

«Согласен... А действительно: согласен ли?» Федору доводилось слышать это словосочетание по отношению к своим ровесникам, но, честно говоря, он никогда над ним не задумывался. Некогда было – работал.

– Потерянное... Наверное, имеется в виду то, что наша жизнь пошла не так, как было задумано?

– Разве все расписывают свою жизнь на годы вперед?

– Кто-то расписывает, – серьезно кивнул Очкарик. – Я, поступая в институт, точно знал, что буду инженером, и я хотел им быть. А в итоге?

– Ты недоволен? – с легким нажимом произнесла Мама Валя. – Ты ведь мог стать инженером. Ты мог бы работать по специальности в крупной компании. Я знаю, тебя приглашали не только в аспирантуру, но и в «Боинг».

– В «Сименс», – машинально уточнил Федор. – Но это не важно.

Его научный руководитель плотно сотрудничал с немцами еще во времена СССР и рекомендовал подающего надежды инженера в солидную компанию.

– Жил бы сейчас в Германии, хорошо зарабатывал... но ты выбрал другой путь, тот, к которому лежала твоя душа. Так?

– Так, – признал Очкарик.

– Поэтому вопрос: какова вероятность, что, если бы СССР не распался, ты бы продолжил свою расписанную на годы вперед жизнь, работал бы в НИИ или на заводе, а не стал бы сыщиком?

– Полагаю, вероятность невысока, – поразмыслив, ответил Волков.

Уж больно нравилась ему его работа. Даже не работа – занятие. Трудно назвать работой то, к чему лежит душа.

– А не получилось бы так, – продолжила старушка, – что, сохранись СССР, ты бы стал инженером, служил в НИИ или на заводе, а к сорока годам запил горькую, потому что не сделал бы то, к чему лежит твоя душа? Ведь жизнь была расписана на годы вперед. Встряска помогла тебе определиться, изменить жизнь, а не случись ее? Отказываться от синицы в руках очень трудно.

– Хотите сказать, что я один из тех, кому развал Союза принес удачу?

– Наверное, нет, – подумав, ответила Валентина Сергеевна. – Ты сильный и упорный мальчик, ты бы все равно нашел свой путь. И уж конечно бы не спился.

– Но сильных немного, – понял Федор ее мысль.

Большинство предпочитает плыть по течению.

– Мне понравилось, что вопрос о потерянном поколении привел тебя в замешательство, – улыбнулась Мама Валя. – Ты не прячешься за обстоятельствами, не ищешь виноватых на стороне, просто делаешь свое дело. Упорно. Целеустремленно. Поэтому у тебя все получается... – Она выдержала паузу и вновь улыбнулась: – Очкарик.

Мама Валя крайне редко называла Федора кличкой, и в ее устах она всегда звучала очень нежно.

В любом поколении есть победители и побежденные. Есть те, кто встанет выше сверстников, и те, которые опустятся вниз. Так было, есть и будет. В любом веке, при любом общественном строе. Внешние же обстоятельства, какими бы тяжелыми они ни были, на количество победителей и побежденных влияют не сильно, не катастрофически. Зато у неудачников появляется удобный повод поплакаться в жилетку: эх, кем бы я был, если...

Некоторое время Волков и Валентина Сергеевна молчали, а затем старушка поинтересовалась:

– Яшу давно видел?

И закрыла предыдущую тему.

– Давно, – вздохнул Очкарик.

– Зайди к нему, Федя, – попросила Мама Валя. – Он не такой твердый, как Илья или ты, не такой оптимист, как Лева. Ему нужна поддержка.

– Но он даже...

– Зайди к нему. – В голосе старушки послышался металл.

– Хорошо. – Волков знал, что обязательно выполнит просьбу Мамы Вали. – Вы ни о ком не забываете.

– Как можно забыть о детях?

– Не знаю, – улыбнулся Федор. – Не представляю.

На херес Очкарик не успел, захватил только последнюю рюмку. Друзья не обиделись, понимали, что не поговорить с Мамой Валей Федор не мог. Валентина Сергеевна осталась единственным представителем старшего поколения, ее берегли и никогда не отказывали в общении. Договорились продолжить настоящий мужской разговор ночью и пошли на ужин, который, как обычно, затянулся. Затем детей увели спать, женщины оккупировали веранду, а Илья, Федор и Лева отправились в бильярдную, покатать шары. А потом перебрались в гостиную, где все было готово к настоящему мужскому разговору: коньяк, коньяк, коньяк и сигары. Расположились в глубоких креслах, завели неспешный разговор...

А потом запиликал мобильный телефон, и Волкову сообщили, что в туалете казино найден мертвым известный предприниматель Ариф Гусейн.

* * *

Суэта, поднявшаяся вокруг комплекса, не оставляла сомнений в том, что все получилось как надо.

Тараканами побежали из ставшего вдруг опасным заведения посетители. Убийство само по себе раздосадует кого угодно, но ведь это только начало: приедут менты, всех запишут в подозреваемые, начнутся неприятные расспросы... Одним словом, надо уезжать, пока в дверях стоят охранники казино, с которыми можно договориться, а не хмурые люди в форме. Кончился праздник. Во всяком случае, здесь кончился. Задвигались такси, заспешили водители, подавая авто к подъезду, и на несколько минут улица стала напоминать привокзальную площадь.

Но были и те, кто спешил не из казино, а внутрь. Ильгар заметил группу плечистых ребят в темных костюмах и догадался:

«Телохранители Арифа».

Те, что ждали на улице. Теперь они кричали, бестолково толкались и переругивались с охраной заведения – внутрь прошел только один из них. Потом на улицу явились три щеголя, здоровяк и двое хлипких, судя по всему – кто-то из службы безопасности и представители владельцев казино. Все трое – мрачные до крайности. Здоровяк возглавил переговоры с телохранителями, хлипкие не отрывают от ушей мобильные телефоны и беспрестанно курят.

«Хорошую развлекуху я вам устроил?»

Минут через десять примчались первые менты – обычные патрульные – на «Жигулях». Затем – карета «Скорой помощи».

«Поздно».

Следом за врачами появился микроавтобус с оперативной группой, а за ним посыпались машины специальных людей из специальных служб.

«Не пора ли отчаливать?»

Разработчик плана рекомендовал покинуть место преступления как можно быстрее, но перебороть искушение оказалось невозможно.

Ильгар чувствовал себя актером, сыгравшим в грандиозной постановке, и жаждал увидеть реакцию публики. Ведь как ни крути, суету в казино вызвал он. ОН! Все эти телохранители, охранники, менеджеры, врачи, менты – все бегает из-за него. Следователи будут ломать головы, размышлять... и ничего не найдут! Потому что идиотский план сработал на все сто. Безумное предложение старика оказалось изящной комбинацией, приведшей к необходимому результату. И безумие плана гарантировало его надежность.

Но когда от ментов в форме зарябило в глазах и опомнившийся Ильгар собрался покинуть свой наблюдательный пост, его внимание привлек еще один мужчина.

Офицер. Причем офицер высокого ранга.

Почему так решил? Потому что, несмотря на то что прибыл незнакомец на черном «Ауди» последней модели, встречать его бросились не местные громилы, а мент в форме, а стоящие у входа патрульные отдали честь: то ли знали приехавшего, то ли им объяснили, кто явился. Вот и получается – офицер.

Во внешности мужчины не было ничего необычного. Достаточно высокий, но не долго-взый. Среднего, можно сказать – обыкновенного сложения. Одет даже не в штатское, а под домашнему: джинсы, кроссовки, легкий трикотажный пуловер с каким-то несерьезным рисунком, видимо, вызов застал его вне дома, вот и приехал в чем был. На лицо подъехавший оказался не менее зауряден, чем на фигуру: глаза, нос, рот – ничего примечательного, второй раз встретишь – не узнаешь. Короткие волосы, лоб с большими залысинами, никаких особых примет. Не блеклый, не серый – обыкновенный. Заурядный. Но только на первый взгляд. Уже в следующий момент Ильгар понял, что непримечательный вид незнакомца не более чем маска, а вот те, кому доведется узнать его ближе, вряд ли когда-нибудь позабудут мужчину с обыденной внешностью. Почему понял? Потому что увидел, как повел себя незнакомец. Патрульные, первыми подоспевшие в казино, показались безразличными: еще один вызов, мало их, что ли, за день? Им было абсолютно все равно, куда ехать: в коммунальную квартиру на пьяную драку или в дорогой развлекательный комплекс. Настроение оперативников не сильно отличалось от настроения патрульных, для них происходящее тоже было рутинной: осмотр места происшествия, первичный опрос свидетелей. Замельтежившие позднее милицейские и прокурорские чины казались недовольными: мало того, что субботний вечер испорчен, так еще и дело может оказаться слишком заметным, не простой ведь работяга убит, а серьезный человек, известный. Налетят журналисты, начнут трепать нервы ненужными вопросами... И все, все, кто приезжал на смерть Арифа, быстро, «по-деловому» проникали в здание, торопились увидеть труп серьезного человека, торопились поставить галочку: был, видел, принимал участие.

Этот же никуда не спешил. Выбрался из «Ауди», поздоровался с подошедшим ментом, закурил и медленно огляделся. Дом, освещенную часть улицы, припаркованные машины, таксистов, охранников, любопытствующих... Все оглядел, словно впитывая в себя пейзаж или царящее вокруг настроение.

И на мгновение Ильгару показалось, что его незнакомец тоже впитал – увидел и запомнил. Навсегда запомнил.

Ильгар вздрогнул. И понял, что видит очень опасного человека, опасного лично для него. Понял тем самым чувством, что называют «шестым», тем самым чувством, что позволяет зайцу безошибочно определить, что перед ним охотник, а не мирный турист. Тем самым чувством, которое подсказывает индюку, что повар явился именно за ним.

У дверей казино стоял охотник. Неприметный, непримечательный, но цепкий, как бульдог.

Когда он вошел внутрь, Ильгар испытал невероятное облегчение.

«Черт! Зря я задержался...»

«Испугался?»

«Нет! Пусть он охотник... Да! Но я не жертва! Ему до меня не добраться! Я совершил идеальное преступление!»

Идеальное преступление!

И страх отступил. Вернулось упоительное ощущение победы. Настроение в очередной раз скакнуло: от паники к эйфории.

Ильгар рассмеялся, выбросил из головы непримечательного мужика, повернулся к комплексу спиной и зашагал по улице.

«Никто меня не достанет!»

На ходу вытащил из кармана телефон и набрал номер, Ильгара распирало желание поделиться своей удачей. Он забыл, что это опасно. Он даже не подумал, что на дворе глухая ночь, не вспомнил даже, когда услышал в трубке сонный голос.

– Алло.

– Это я!

– С ума сошел?

– Я все сделал!

– С ума сошел?

– Черт! Извини...

В трубке послышались короткие гудки.

Ильгар остановился. Понял, какую глупость только что совершил. И вспомнил слова старика:

«План идеален. Если кто-то и может его испортить, то только ты...»

* * *

– Ариф Гусейн. – Грушин печально посмотрел на Волкова. – Это действительно тот самый Ариф Гусейн, чтоб его черти взяли!

– Уже взяли, – буркнул Федор.

– Козел, – продолжил Грушин, не обратив никакого внимания на замечание Очкарика. – Не мог сдохнуть в другом месте, сволочь. Теперь все переполошатся... – Подумал и поправился: – Уже переполошились. Журналоги завтра вой поднимут, начальство озверевает и начнет нас прессовать по полной программе...

Грушин тянул свою речь с такой кислой миной на лице, таким жалостливым голосом, что человек несведущий обязательно бы поверил, что именно он, несчастный майор Грушин, будет лично отвечать за ход расследования перед самим министром и собственной карьерой заплатит за возможную неудачу. В действительности же Васенька Грушин, к тридцати пяти годам не растерявший светлых кудряшек, трудился на теплой, уютной должности личного референта генерала Сидорова и никогда ни за что не отвечал. Но любил показать, что «понимает тяготы службы». Его присутствие в казино говорило о том, что начальство расценивает ситуацию как чрезвычайную. Сам Сидоров, естественно, здесь не появится, не того полета птица, но прислал генерал одного из самых доверенных своих людишек, хорошо умеющего слушать, замечать и, самое главное, докладывать. Впрочем, начальства на месте преступления и без Сидорова хватало.

– Кто приехал? – спросил Волков, заходя в казино.

– Все приехали, – буркнул Васенька. – Местные ребята, потом из городского управления подтянулись, потом наши, из министерства. – Грушин почесал в затылке. – Фээсбэшники. Зам городского прокурора. Из Генеральной кто-то...

– Понятно, – перебил перечисление Федор.

Круги побежали по воде... Оставалось найти того, кто бросил камень.

– Дознание на кого повесят?

– Пока местные суетятся, но вряд ли им дело оставят. Гусейн большим человеком был. За ним такие деньги стоят...

– Стояли, – уточнил Волков.

В казино они вошли, но дальше, к месту преступления, пока не торопились. Остались в холле, только в уголок отошли, чтобы не мешать спящим туда-сюда коллегам. Переговаривались вполголоса.

– Меня почему вызвали?

– Разобраться.

– А разве там не заказуха? – Очкарик кивнул в сторону туалетов.

– В том-то и дело, что непонятно. – Грушин поморщился. – Убийство – сто пудов, но не пуля.

И замолчал, выжидательно глядя на Волкова. Васенька не в первый раз пытался заставить Федора проявить любопытство, задать уточняющий вопрос, но неизменно проигрывал.

Секунд через десять майор кашлянул и продолжил:

– Арифа посадили на кол.

– Неужели?

– Честно.

У Волкова вспыхнули глаза:

– Нехарактерно для заказухи.

– О том и речь.

Несколько мгновений Очкарик размышлял, сосредоточенно разглядывая стоящего у дверей заведения милиционера, затем поинтересовался:

– Ариф один в казино приехал?

– Нет.

– Тогда давай сначала на его дружков посмотрим, а уже потом двинем в сортир.

– Как скажешь, – согласился Васенька.

Спутников Гусейна разместили в одной из комнат, прилегающих к главному залу казино. Пара диванов, пара кресел, пара журнальных столиков... здесь можно было без помех поговорить даже в разгар вечера – звукоизоляция позволяла, – и уж тем более сейчас, когда в заведении не грохотала музыка, а установилась непривычная, почти кладбищенская тишина.

Впрочем, входить внутрь и принимать участие в допросе Волков не собирался, ему было важно посмотреть на тех, кто был с Арифом, оценить их состояние, получить первое, «пристрелочное» представление об этих людях. Федор остановился в дверях и медленно огляделся.

Один из спутников Гусейна сидел на диване. Плечистый мужик лет тридцати пяти в черном костюме, белой рубашке и галстуке. Выглядел он не расстроенным, не обеспокоенным, а... потерянным. Именно так – потерянным. Здоровенный и, без сомнения, когда-то уверенный в себе мужчина отчаянно напоминал маленького мальчика, не только заблудившегося в лесу, но ухитрившегося при этом потерять все и вся: корзинку, компас, флягу с водой, дождевик – все.

Беспомощный бугай, совершенно не представляющий, что делать дальше.

– Телохранитель?

– Сардар, – ответил Грушин, – начальник личной охраны.

– Он был рядом?

– Да.

И недоглядел...

Тем не менее был рядом, в шаге от убитого и, возможно, – в шаге от убийцы. Но не помешал преступлению, не защитил хозяина... Не смог?

«Сардар...» Облик телохранителя отпечатался в памяти Волкова.

– Допросили?

– Да. – Васенька помялся. – Но решили пока не отпускать. Ни этого, ни второго.

– Правильно.

Очкарик еще раз оглядел оплошавшего телохранителя и перевел взгляд на другого спутника Ариффа, который занимал кожаное кресло, стоящее в противоположном от Сардара углу комнаты.

Хрупкий белокурый юноша тихонько всхлипывал, то и дело поднося к глазам и носу одноразовый платок. Использованные бумажки он бросал на пол, и, судя по их количеству, слезы у мальчика лились не переставая. Белокурые волосики юноши пребывали в совершеннейшем беспорядке, нос распух, а во взглядах, что бросали на мальчика милиционеры, читалось исключительно презрение.

Ни капли сочувствия.

– Николай Паукин, – сообщил Грушин. – Двадцать два года. Друг покойного.

Мог бы и не уточнять.

– Друг? – Волков нахмурился, припомнив, что совсем недавно читал об Ариффе в какой-то газете, и речь в статье шла...

– Гусейн вроде женат?

– Четыре месяца как, – подтвердил Васенька. – Я его жену не видел, но читал, что красавица. И на двадцать с лишним лет его младше.

Тем не менее в казино Арифф отправился с мальчиком.

– Сердцу не прикажешь, – развел руками Грушин.

Федор хмыкнул, но комментировать высказывание коллеги не стал. Да и что тут комментировать? За годы службы Волков повидал многое, в том числе – десятки фиктивных браков, заключенных самыми разными людьми с самыми разными целями.

В последнее время Гусейн активно превращался в публичную фигуру: статьи в прессе, интервью, участие в телепрограммах. Общество потихоньку тянулось к западным стандартам, и большинству обладателей многомиллионных состояний пришлось по вкусу новая игра. Остальным ее навязали. Так что мелькать на экранах приходилось практически всем. Бизнес должен быть честным или, как минимум, казаться честным, а потому вокруг видных представителей деловых кругов появились команды имиджмейкеров, денно и нощно тачающих для народа образ шефа. Но и без специалистов по пиару было понятно, что известному предпринимателю вряд ли пойдет на пользу афиширование нестандартных сексуальных пристрастий, и если актер-гомосексуалист может добиться успеха, то директору солидной компании следует демонстрировать приверженность общечеловеческим ценностям: жена, дети, дом.

– Сардар рассказал, что Арифф подцепил Паукина полгода назад. Мальчик приплясывал в команде одной певицы и охотно пошел к Гусейну на содержание.

– Мечтал стать звездой?

– Кому интересно, о чем он мечтал?

Шесть месяцев Паукин находился рядом с Ариффом, знал о его перемещениях, мог обеспечить присутствие Гусейна в нужном месте в нужное время. Содержанки, как правило, тонко чувствуют настроение покровителей и, когда те начинают охладевать, вполне способны пойти на предательство и сдать благодетеля убийцам.

– Надо бы его получше проверить.

– Обязательно, – подтвердил Грушин.

Истерика гламурного юноши показалась Очкарику искренней, но следовало понять, чем она вызвана: потерей кормильца или страхом соучастника?

– Теперь пошли в сортир.

Туалетная комната оказалась именно такой, каким и следовало быть подобному месту в модном и респектабельном заведении. В отличие от некоторых клубов, в туалет этого казино не приходили забить «косяк», разложить дорожку или развлечься с податливой девочкой. Солидные господа отправляли здесь свои солидные надобности, аккуратно и солидно, а потому сортир сверкал прямо-таки стерильной чистотой. Кафельный пол идеально вымыт, во всяком случае там, где не успели натоптать милиционеры, хромированные детальки респектабельно поблескивают в свете ламп, среди которых не замечено ни одной перегоревшей, в мусорных ведерках исключительно использованные бумажные салфетки, максимум – пустые сигаретные пачки. Пахнет приятно. В автоматически включающихся смыв писсуарах игриво журчит вода.

Одним словом – благодать.

Нарушали туалетный парадиз лишь выломанная дверца кабинки – телохранилитель постарался – да сам виновник торжества. Ариф Гусейн, один из самых богатых людей города.

– Развалился! – негромко, только для Волкова, пробормотал Грушин. Вид мертвого миллионера вызвал у майора очередной приступ уныния: – Не мог в другом месте сдохнуть, сволочь! Поехал бы в какую-нибудь Ниццу да разбился бы на хрен на какой-нибудь «Феррари». Благородно и богато. Так нет, притащился в московское казино и помер в сортире. А нам теперь отдуваться!

– Не мешай, пожалуйста, – попросил Очкарик.

– Извини.

Грушин остался у дверей. Вытащил из кармана пластинку жевательной резинки, засунул ее в рот и принялся усердно работать челюстями. Волков же медленно прошел в глубь туалета и внимательно осмотрел убитого.

Гусейн лежал ничком, уткнувшись носом в плитку. Штаны спущены до колен, рубашка задрана, но обнажившиеся ягодички стыдливо прикрыты куском ткани. Федор присел на корточки, приподнял тряпицу и прищурился, изучая рану на ягодичке. Затем перевел взгляд на подошедшего эксперта:

– Причина смерти?

– Отравление.

– Неожиданно. – Очкарик улыбнулся и потер пальцами переносицу. – А мне сказали, Арифа посадили на кол.

– Так оно и было.

– Поэтому рана на заднице?

– Точно.

– Но смерть вызвана...

– Отравлением. – Криминалист бросил окурочек в раковину и присел на корточки рядом с Волковым. – На кол ведь как сажают? Длинную палку в задний проход и вперед. В смысле – вверх...

– Это палка вперед и вверх. А человек – вниз.

– Верно понимаете. Но у нас не кол, а колышек. И не в проход, а в ягодичку. Оцарапал Арифа...

– И убийца смазал его ядом.

– Точно.

– Гм... занятно... – На этот раз Федор почесал кончик носа. – Как в книгах.

– В учебниках по криминалистике?

– Нет, как в детективных романах.

– Ну... можно сказать и так, – согласился эксперт.

– Остается выяснить, почему взрослый не пьяный мужчина уселся на смазанный ядом колышек. Или Ариф думал, что из унитаза торчит что-то безобидное?

– Ариф ничего не думал, – улыбнулся криминалист. – Он ничего не видел.

– Что вы имеете в виду?

– Подойдите сюда. – Эксперт поднялся на ноги и увлек Федора к фатальной кабинке. – Смотрите!

И указал на унитаз.

Окровавленный колышек – вот что увидел Волков в первое мгновение. Он торчал из унитаза, возвышаясь над сиденьем приблизительно на пять сантиметров. В следующий миг Очкарик понял, что в крови испачкано не все орудие, а лишь заостренный кончик. А еще через пару секунд догадался, что не видит основания – его дорисовало воображение, потому что мозг отказывался воспринимать увиденное: окровавленный наконечник миниатюрного копья висел в воздухе.

– Что это? – хрипло поинтересовался Федор.

– Красиво, да? – Криминалист усмехнулся. – Я сфотографировал его со всех сторон, но разбирать это чудо мне жаль. Как вы думаете, позволят забрать всю конструкцию? Вместе с унитазом?

– Да что это такое?

– Совершенство.

– Хватит дурака валять! – взорвался Очкарик. – Я спрашиваю, что это такое?!

Он не мог отвести взгляд от висящей в воздухе окровавленной части колышка. От висящей в воздухе...

– Я думал, вы поняли, – испуганно пробормотал эксперт. – Извините, товарищ полковник...

Но Волков уже успокоился. Вновь потер переносицу. Ему было стыдно за несдержанность.

– Что я должен был понять?

– Краска, – выдохнул криминалист. – Убийца так покрасил колышек, что тот полностью слился с фоном, понимаете? Если смотреть со стороны дверцы, то орудие преступления совершенно незаметно. Превосходная, совершенная ловушка.

Федор наклонился, медленно протянул руку, целясь чуть ниже ставшего видным острия, и почувствовал, что пальцы уперлись в основание оружия.

Краска.

А ведь в какой-то момент Волков решил, что видит нечто необъяснимое.

Краска.

Очкарик выпрямился и сухо, не глядя на эксперта, произнес:

– Прошу меня извинить.

– Честно говоря, я тоже был в замешательстве, – осторожно проговорил криминалист. – Впервые вижу подобное.

– Я тоже. – Федор подумал и закурил. – Что-нибудь еще скажете?

– Совершенство, – повторил эксперт. – Арифа отправил на тот свет не простой убийца, а подлинный мастер. Это, – кивок на унитаз, – настоящее искусство.

– А если без громких фраз?

– Без громких фраз не могу – я в восхищении.

«Ну, что же, еще один человек, которому гибель Гусейна доставила искреннее удовольствие».

Волков в последний раз оглядел место преступления. Чистенький туалет, сломанная дверь кабинки, мертвый мультимиллионер со спущенными штанами и унитаз, над которым висит окровавленный наконечник.

Искусство.

Что ж, все правильно. Если бы Ариффу прострелили голову, Волкова бы не позвали, и в ГУВД, и в министерстве, и в прокуратуре есть люди, которые специализируются на стандартных заказах. Очкарика же держали для расследования сложных дел, запутанных и изощренных. Тех, в которых надо было обязательно докопаться до истины.

Федор посмотрел на Грушина:

– Ты посоветовал Сидорову вызвать меня?

– Когда я увидел, как прикончили Арифа, то сразу понял, что без тебя не обойтись, – не стал скрывать Васенька.

Теперь понятно, кого следует благодарить за испорченные выходные и встречу с необычным убийцей. Впрочем, именно благодарить: Волков душой не кривил, он увлекся новым делом.

– Тебе нравятся загадки, – усмехнулся Грушин.

Очкарик не ответил. Глубоко затянулся сигаретой и перевел взгляд на эксперта:

– Завтра я должен знать, чем отравили Арифа. Успеете?

– Постараемся.

– Договорились.

Федор развернулся и вышел из туалета.

* * *

Старые дома смотрят на мир особым взглядом.

Те из них, кто потерял хозяина, превращаются в неприглядные ковчеги с мрачными лестницами и обшарпанными стенами. Их взор угрюм и тосклив, они не знают, чего ожидать от завтрашнего дня: реставраторов, способных вдохнуть в древние стены новую жизнь, или бригаду гастарбайтеров из солнечного Таджикистана, рекрутированную для сноса надоевшего всем строения.

Те же, за которыми следят, смотрят гордо, иногда – вызывающе, всем своим видом показывая новопостроенным выскочкам, что настоящее проверяется исключительно временем. Именно по таким домам заметно, что эстетика теряется с течением времени. Что в прежние времена люди стремились не просто иметь крышу над головой и стены вокруг, но крышу элегантную, а стены – красивые. Чтобы отдышал глаз, успокаивалась душа, чтобы, возвращаясь домой, не чувствовать себя в клетке.

И действительно, разве могут сравниться широченные лестницы в огромных подъездах старинных домов с функциональными переходами в современных зданиях? Появившиеся лифты изменили взгляды строителей на лестницы, превратили их в запасные выходы, и теперь немногие из них могут с полным правом именоваться парадными.

Все меняется, все становится другим. Что-то погибает, что-то живет, откусывая очередной кусочек вечности.

За домом, что стоял на престижной Пречистенке, следили с самой его постройки. И следили на совесть. Даже в суматошные девяностые на его первом, техническом этаже не появилось офисов подозрительных фирм или заурядных коммерческих магазинов: с одной стороны расположился тихий ресторан, цены в котором превосходно справлялись с ролью вышибал, с другой – небольшая арт-галерея. Витрины заведений всегда сияли чистотой, тротуар подметался не менее двух раз в день, и даже включающиеся по вечерам неоновые вывески сияли приглушенно, с благородной ненавязчивостью, не зазывали, а указывали направление.

Под стать дому была и квартира. Большая, просторная, ни разу в своей истории не испытывавшая прелестей коммунального заселения. Городское жилище, умудрившееся сохранить старинное, дореволюционное великолепие. С главной дверью и черным ходом, с огромной гости-

ной, пять окон которой выходили на Пречистенку, и еще четырьмя комнатами. Совсем недавно квартиру отремонтировали, но переделка «под современные требования» ее не постигла. Новые окна тщательно – и цветом, и видом – копировали старые, зато гораздо лучше защищали от шума. Новый дубовый паркет был точно таким, как прежний. И наполняли комнаты не произведения современных итальянцев или испанцев, а подлинная антикварная мебель, та самая, что стояла в квартире до ремонта. Отреставрированная, задышавшая с новой силой, но старой грудью. Резной стол, резные стулья, картины в резных рамах... ничего лишнего, только темное дерево, хрусталь и бронза. И никаких бытовых монстров: ни телевизора, ни музыкального центра, лишь мобильные телефоны, которые выложили на стол некоторые из присутствующих.

Пять человек.

Трое мужчин и две женщины.

Искусники.

Они сидели вокруг стола и, несмотря на то что по-настоящему внимательно слушали своего лидера, периодически бросали взгляды друг на друга. Не переглядывались, а осматривались, оценивали. Некоторым из них приходилось встречаться или даже работать вместе, все они были заочно знакомы, однако в одной команде оказались впервые. Да и в Москву они добирались разными путями, так что увидели друг друга только здесь, в квартире своего лидера, шестого участника совещания.

В квартире Гончара.

Который тем временем заканчивал вступительную речь:

– Таким образом, вышеперечисленные факты позволяют мне считать, что она находится в Москве. Более того – в руках Механикуса. Наша задача – забрать ее. – Гончар помолчал. – Надеюсь, никто из вас не изменил свою точку зрения?

Он был настоящим лидером: говорил не громко, но властно, уверенный голос не обволакивал, а буквально захватывал слушателей, заставляя их предельно концентрировать внимание. И вопрос, которым Гончар закончил вступление, вопрос, предполагающий, что кто-то из членов команды может в последний момент отказаться от участия в операции, прозвучал так, что ответить на него отрицательно казалось невыносимым. Не угрожающе он прозвучал, не агрессивно, однако слышалась в нем такая уверенность в себе и помощниках, что выбора у последних не оставалось: только соглашаться.

– Мы летели в Москву не для того, чтобы отступить, – пробормотал сидящий справа от Гончара старик.

– Спасибо, – кивнул лидер.

– Не за что.

Но, разговаривая с Гончаром, голову старик не поднимал, не встречался с хозяином квартиры взглядом. Как смотрел на устроившегося на коленях тойтерьера, так и продолжал смотреть. И медленно поглаживал ушастую собачку по маленькой голове.

Считается, что миниатюрные зверушки нравятся в основном дамам, однако женщина, что расположилась рядом со стариком, периодически награждала тойтерьера презрительными взглядами. Возможно, она не любила всех животных, может – только собак, а если и любила, то питала пристрастие к другим псам. Это можно было предположить по ее внешности.

Женщина предпочитала черное: черный брючный костюм, черное белье – кружева бюстгальтера, скрывающие небольшую упругую грудь, игриво выглядывали из выреза жакета, черные туфли. На столе перед женщиной лежали маленькая черная сумочка, тонкие черные перчатки и блестящий, черный со сталью, телефон. Стоит ли говорить, что ее кудрявые волосы были черными. Глаза – черными. А также губная помада и лак на ногтях. Черные камни едва заметно поблескивали в сережках, на двух кольцах и тонком ожерелье. Однако этих безделушек даме показалось мало, а потому черные бриллианты украшали ее в самых неожиданных

местах: мелкие камни переливались на запястьях, с левой стороны шеи, ближе к подбородку и на правом виске.

Черная леди.

Созданный образ не предполагал карликовых песиков. У ног женщины мог лежать разве что здоровенный доберман в ошейнике со стальными шипами. Но собаки не было. Зачем? Исходящая от женщины агрессия чувствовалась и без дополнительных аксессуаров.

– Надеюсь, операция пройдет так весело, как ты обещал, Гончар. – Она холодно улыбнулась. – Я не люблю скучать.

Ответить хозяин квартиры не успел.

– Смотря что понимать под словом «весело», – пробурчал старик.

– То, что понимают нормальные люди. – Черная презрительно скривила губы. И неожиданно изогнула спину, отчего жакет еще больше разошелся, демонстрируя задвигавшиеся полушария груди. И улыбнулась: – Мне нравится получать удовольствие.

Но игривое движение девушки не обмануло ни старика, ни кого-либо из присутствующих, все знали, что основное удовольствие Проказа получает от крови.

– У нас есть цель, – произнес Гончар. – Удовольствия оставим на потом.

Фраза прозвучала с мягкой строгостью; повелительно, но без лишнего железа в голосе. У женщины в черном были самые весомые мотивы для участия в предприятии, она пойдет до конца, и лидер не хотел портить отношения с Проказой.

Старик пробормотал под нос ругательство, кажется, на английском, но раздувать скандал не стал, вновь сосредоточил внимание на песике.

Последовало краткое мгновение тишины, нарушенное мелодичным женским голосом:

– Давайте, в конце концов, распределим обязанности и разойдемся. Я бы не хотела провести здесь всю ночь.

Проказа выглядела эффектно, но не была красивой: маленькие глаза, довольно большой нос и широкий рот не производили отталкивающего впечатления, но и не складывались в изящное целое. Вдобавок женщина в черном была напрочь лишена душевного обаяния, внутреннего шарма, способного оживить любую маску и представить дурнушку настоящей красоткой. Не уродливое и не модельное, волевое лицо уверенной в себе некрасивой женщины.

А вот соседка Проказы выглядела чарующе. Миниатюрная, но не «вечная девочка», фигура отличается не подростковой угловатостью, а утонченным изяществом идеально сложенной женщины. Аккуратная головка, узкое лицо, чуть вздернутый носик, точеные скулы, а самое главное – голубые глаза, возможно, не такие уж и большие, но кажущиеся на маленьком личике просто огромными. И еще – пышные светлые волосы. Прямые, длинные, с элегантно небрежностью стянутые в простой хвост, они привлекали взгляды окружающих, и мало кто из мужчин не испытывал желания прикоснуться к ним. Блондинка была немолода, но ее красота пока побеждала годы, не иссыхала – несколько морщинок не в счет, и на лице ни одного намека на мертвый глянec, который наводят на стареющих прелестниц хирурги.

Не всякая женщина может похвастаться такой внешностью в сорок лет.

– Куда торопишься, Испанка? – манерно протянула Проказа. – Не нравится компания?

– Не нравится город, – ровно ответила маленькая женщина. – Чем быстрее мы достигнем цели, тем быстрее уедем.

– Правильно, – поддакнул сидящий рядом здоровяк.

Невероятных размеров здоровяк. Глыба. Скала. Его габариты внушали уважение не только потому, что слева от него расположилась миниатюрная блондинка, – мужчина затмевал каждого присутствующего по отдельности и всех вместе.

Массивный, изрядно заплывший жиром, он тем не менее не производил впечатления рыхлого обжоры, скорее – борца сумо, поражающего непередаваемой слоновьей грацией. Широкие плечи, длинные толстые руки, соответствующий рост – чуть более двух метров,

мужчина словно сошел со страниц комиксов. Усиливала ощущение и круглая лысая голова, которая, казалось, помещалась прямо на плечах: складки кожи на затылке плавно перетекали в спину, а впереди шею скрывал тяжелый квадратный подбородок. Выпуклый лоб нависал над глубоко провалившимися глазами, а из середины лица, из углубления, образованного лбом и подбородком, торчал маленький нос.

Красавцем мужчина не был. И голосом обладал отнюдь не мужественным – тонким, хотя и не писклявым. Впрочем, этот недостаток он компенсировал сопровождавшими фразы жестами.

– Мне здесь не нравится. – Для подтверждения этого факта Травник сжал лежащие на столе руки в кулаки – на мгновение присутствующим показалось, что они увидели пару футбольных мячей, медленно разжал их и продолжил: – У этого города неприятный запах.

– Неженка, – процедил последний участник совещания, молодой парень с длинными, до плеч, черными волосами. – Если тебе не нравится местный запах, пользуйся духами.

– Кое-кто не понимает намеков. – Испанка улыбнулась и перевела взгляд на Гончара: – Кстати, о запахе! Вот уж не думала, что ты возьмешь с собой Вонючку.

– Меня зовут Невада! – рявкнул покрасневший Крус.

– Все знают, как тебя зовут.

– Ты тоже не ангел, милочка, – с издевкой сообщила Проказа.

– Кто бы говорил!

Старик широко улыбнулся и едва ли не впервые с начала разговора оторвал взгляд от собачки. Тойтерьер последовал примеру хозяина, тоже уставился на женщин, но, в отличие от него, смотрел на ссорящихся дам с осуждением.

– Нимфетка-зомби, – прошипела Испанка.

– Кукла! – парировала Проказа.

– Стерва, – выдал Невада, но, увидев сжавшийся кулак здоровяка, прикусил язык и быстро отвел взгляд.

– Черная выдра!

– Ядовитая тварь!

«И это моя гвардия!»

Гончар вздохнул. Как же трудно собрать в команду, а главное – удержать в ней взрослых и самодостаточных людей. Которые многого добились, в основном – самостоятельно, никому ничем не обязаны и по-настоящему себя уважают. Ведь недоделки – быстрый взгляд на Неваду – не столь полезны, как настоящие искусники. Которых надо уговорить, убедить или купить. Сейчас начальный этап пройден, он собрал почти всех, кого хотел, но... Но самое интересное только начинается: не все взрослые и самодостаточные люди хорошо относятся друг к другу.

– Правду говорят, у тебя вместо перхоти трупные черви?

– Из тебя песок сыплется, старая перечница!

– Потаскуха!

«Пора заканчивать балаган».

– Предлагаю всем замолчать! – Гончар встал на ноги, медленно оглядел соратников, выдержал паузу и, как ни в чем не бывало, продолжил: – Нет никаких сомнений в том, что Механикус уже знает о нашем появлении. – Перечеркнул скандал одним только правильно выбранным тоном. Настоящий лидер. – Сейчас Механикус затаился, ждет нашего хода. А поскольку мы предполагаем действовать решительно, через два-три дня он побежит. Так что времени у нас немного.

– Не рассчитывает ли он на помощь местных? – как ни в чем не бывало поинтересовалась Проказа.

Гончар поморщился.

– Вряд ли.

- Вряд ли? – нахмурился старик. – Ты же говорил, что договорился с местными?
- Совершенно верно, – подтвердил Гончар. – Бабушка Осень гарантировала нейтралитет.

Во всяком случае, на первых порах.

– А потом?

– Все зависит от нас, – развел руками лидер. – Если наши действия будут достаточно решительны и профессиональны, местные не станут мешать.

– Испугаются, – усмехнулась Проказа.

– В Москве никогда не боялись крови, – буркнула Испанка.

– То есть дело не в запахе?

– Ты хочешь поссориться с внучатами Бабушки Осень?

Женщина в черном яростно посмотрела на блондинку:

– Я никого не боюсь!

– А следовало бы.

– Давайте, в конце концов, займемся планами на ближайшее будущее, – устало предложил Гончар.

Если Проказа была единственным членом команды, в чьих мотивах Гончар не сомневался, то Оружейник занимал особое место по другим причинам. Ум и огромный опыт старика делали его превосходным советчиком, и к мнению Оружейника Гончар всегда прислушивался. Они работали вместе не первый раз, и старик всегда – всегда! – задерживался после совещаний, чтобы с глазу на глаз обсудить с Гончаром сложившееся положение.

Так вышло и сейчас. Проказа, Невада, Испанка и Травник ушли, а Оружейник остался, продолжил сидеть, поглаживая тойтерьера, и поднял голову, лишь услышав слова лидера.

– У меня нет уверенности в том, что они справятся, – угрюмо произнес Гончар.

– Прекрасно тебя понимаю, – помолчал, согласился старик. – Команда, мягко говоря, разношерстная.

– Каждый хорош по-своему.

– Но они не вместе.

– Главное, что они со мной.

– Тоже верно.

Гончар сходил к буфету, достал бутылку коньяка, два бокала, принес их на стол и уселся рядом с Оружейником.

– Каждый из них пригодится. Но наша главная надежда – ты.

– Твоя главная надежда, – уточнил старик.

И выпил. Не смакуя, не разбираясь в букете дорогого напитка. Хлопнул, как рюмку водки.

Хозяин же квартиры замер, не донеся бокал до рта. Внимательно посмотрел на Оружейника:

– Разве ты не разделяешь мои взгляды? Разве не считаешь, что Механикуса надо остановить?

– Ты хочешь его остановить? – тихо спросил старик.

Несколько мгновений мужчины смотрели в глаза друг друга. Затем Гончар выпил. Но не ответил. На лице Оружейника не дрогнул ни один мускул. Он расслабленно откинулся на спинку стула и продолжил поглаживать дремлющего песика.

– Я сделал все, о чем мы договаривались. Я нашел парня и вывел его на дорогу. – Старик помолчал. – Но мне кажется, ты рискуешь, используешь его.

– Почему?

– Если он тот, кто мы думаем, он докопается до сути.

– Пусть докапывается, – проворчал Гончар. – Пусть поможет нам, а потом докапывается до чего угодно.

Они расстались минут через тридцать. Обсудили еще некоторые детали операции, после чего Оружейник покинул квартиру.

Так и не получив ответ на главный вопрос.

* * *

Возвращаться в загородный дом Ильи Волков не стал, несмотря на то, что по пустым ночным трассам, да при своей любви к скоростной езде, добрался бы до места минут за сорок. Не поехал, потому что на утро уже было назначено совещание, а добираться до министерства из дома значительно ближе.

«Извините, мужики, попьанствуем в другой раз!»

И Федор направился в свою пустую «трешку» на Ленинском. Точнее, в свою опустошенную «трешку». В огражденный кирпичными стенами мирок, когда-то уютный, а теперь лишенный души. В свой дом.

Смерть Маши не выбила Очкарика из колеи, слишком уж крепко стоял он на ногах, слишком сильным был – в этом Мама Валя не ошибалась. Но и сказать, что Волков не заметил потери жены, значило бы покривить душой. Безжалостный удар судьбы оглушил Федора, однако он справился. Помогли друзья, помог сын, ответственность за будущее которого Очкарик стал ощущать еще сильнее, помогла теща... С тещей Волкову повезло. Она не требовала от него хранить верность покойной жене, лишь попросила беречь ее чувства. «Я понимаю, Федя, ты мужчина и не сможешь долго быть один. Но ради бога, помни о том, что Маша была моей дочерью...» Впрочем, могла бы и не просить, Очкарик и сам все понимал. Ни разу за прошедшее время он не привел домой женщину. И не только ради тещи – ведь был и Степан. Волков не мог представить, что он скажет мальчику о спутнице. Знакомая? Просто знакомая? Парень помнил мать смутно, однако это не повод подвергать испытаниям его чувства.

А может, все дело заключалось в том, что Федор еще не встретил женщину, которую бы он смог пустить в свой дом? В мир, который когда-то наполняла Маша.

Отгонять «Ауди» в гараж Очкарик поленился. Припарковался у дома, благо нашлось местечко недалеко от подъезда, вышел из машины, щелкнул кнопкой на брелоке, постоял в задумчивости, а затем поднял голову и посмотрел... не на свой пятый этаж, а на окна другой квартиры. И увидел в них свет.

И от вида освещенного прямоугольника на душе у Волкова стало теплее.

Не лжет ли он себе, говоря, что никого не встретил?

Федор помялся, не в состоянии принять какое-либо решение, а затем, продолжая стоять у машины, вытащил пачку сигарет и закурил. Во взаимоотношениях с женщинами, особенно с теми, которые действительно небезразличны, многие мужчины полагаются на волю случая, надеясь, что «оно само как-нибудь разрулится».

«Зайти? А если она спит и просто забыла выключить свет? Да, наверное, все так и есть...»

Он почти решил уйти, но неожиданно увидел в окне женский силуэт. А еще через пару мгновений в кармане Волкова зазвонил телефон.

– Привет. – Голос мягкий, с легкой хрипотцой.

– Привет, – негромко ответил Федор и бросил сигарету в урну.

– Я думала, ты останешься у Ильи.

– Вызвали.

– Трудоголик.

– Вроде того.

Она продолжала стоять у окна, не сводя глаз с Волкова, смотрела сквозь стекло и ветви деревьев. А он смотрел на нее и молчал. И еще не понимал, что его мир уже наполнила другая женщина.

Не Маша.

И совсем не похожая на Машу.

Густые каштановые волосы чуть ниже плеч. Удлиненное лицо, маленький подбородок, выпуклый лоб, тонкие губы, озорные глаза, блеск которых не погасили годы, нос чуть великоват, но в целом впечатления не портит. И морщинки вокруг глаз. Много смешливых морщинок.

– Устал?

– Не успел, – мотнул головой Волков. – Бездельничал ведь целый день... А ты почему не спишь?

– Заснула в гостиной... Меня разбудила твоя машина.

– Извини.

– Так даже лучше. – Она улыбнулась. – Просыпаться в кресле пошло.

«А еще хуже просыпаться одной, – мысленно продолжил Федор. – Или одному».

И негромко произнес:

– У меня есть бутылка вина.

– Не хочу вина. Просто приходи.

Черный «бумер», воспетый целым поколением блатных и приблатненных романтиков, выглядел не очень презентабельно. Модель не из последних, машина в возрасте, кузов не блестит, а лишь вяло переливается в свете уличных фонарей, словно сигнализируя: «Я еще ничего, меня отполировать – и тогда засверкаю!», двигатель урчит без прежнего задора, а внутри воняет дешевым табаком.

Именно этот мерзкий, застарелый запах, навсегда впитавшийся в обивку салона, больше всего раздражал Испанку. Тяжелым прессом придавил, как только женщина села в машину, и едва не вывернул наизнанку. Блондинка не замедлила высказать свое мнение Травнику, но тот лишь пожал могучими плечами: когда выбираешь машину, запах салона не чувствуешь. Есть колеса – и ладно. А угонять лучше не бросающиеся в глаза тачки, чтобы тормозили реже. Сколько в Москве черных «БМВ»? Каждую гаишники не остановят. А если и остановят, то полученные от Гончара документы нехитрую дорожную проверку точно выдержат. На предложение же угнать другую машину здоровяк ответил категорическим отказом, лень ему было искать другую машину и мотаться к Гончару за новыми документами. Испанка обиделась, опустила все стекла и почти час не раскрывала рот. Травник, прекрасно знающий спутницу, тоже помалкивал и, лишь когда они выехали на Ленинский проспект, рискнул начать разговор:

– Я все-таки не понимаю, почему Гончар велел следить за этим парнем?

И тихо кашлянул, показывая, что извиняется.

Испанка ответила не сразу. Сначала повернула голову вправо, разглядывая проносящиеся мимо дома, а примерно через полминуты медленно, нехотя произнесла:

– Если парень действительно тот, за кого его принимает Гончар, к нему стянута все нити. Фактически, он выполнит за нас самую сложную работу – найдет ее. – Снова помолчала. – Хотя может получиться так, что мы получим информацию и без его участия.

– Каким образом?

– Ты забываешь о завтрашней встрече.

Травник издал недовольный звук, то ли хрюкнул, то ли едва слышно выругался, и спросил:

– А если не получим?

– Тогда нас приведет «этот парень».

«Бумер» плавно вкатился в нужный двор, медленно проехал вдоль дома («Вот его машина», – кивнула Испанка) и остановился на свободном месте.

– Приехали, – пробубнил здоровяк.

Испанка огляделась:

- Проказу видишь?
- Вон ползет.
- А...

Испанка наконец разглядела появившуюся из сквера женщину. Поджала губы, но взгляд не отвела, спокойно приняла фотоаппарат с мощным объективом, который та молча протянула через открытое окно.

- Проблем не было?
- Я думала, вы приедете раньше, – проворчала Проказа, закуривая тонкую сигарету.
- Мы приехали вовремя.
- Но вы вдвоем, найдете чем заняться, а мне одной было скучно.

Здоровяк покраснел.

Испанка хотела нагрубить в ответ, но сдержалась. Повертела в руках фотоаппарат и поинтересовалась:

- Чем занимается наш друг?

Блондинка пыталась перевести разговор в деловое русло, но получилось только хуже.

– Тем, чем должен заниматься по ночам приличный мужчина. – Проказа вызывающе посмотрела на здоровяка. – Трахается.

Тот выдержал взгляд, ничего не ответил нахалке. Лишь верхняя губа чуть приподнялась, обнажив мелкие зубы.

- С кем трахается? – деловым тоном уточнила Испанка.

– С какой-то старой кошелкой, – любезно ответила Проказа. – На фотике есть снимки, правда, качество так себе. Живет вон в той квартире на третьем этаже.

И кивнула на окна.

Испанка вызвала на экран цифрового аппарата изображение женщины, несколько секунд разглядывала его, после чего невинно заметила:

- Очень милая. И при этом моложе тебя, чернушка дохлая.

Здоровяк хмыкнул.

– На ее фоне я – девочка. – Проказа затушила сигарету о дверцу «бумера», повернулась и пошла вдоль дома.

Испанка же выключила фотоаппарат, бросила его на заднее сиденье и вздохнула:

- Жаль, что нам ничего не известно о его пассии.

Забавные все-таки случаи бывают в жизни. Волков и Альбина знали друг друга с детства, один дом, один подъезд. Она была старше на пару лет, но ведь в веселые юношеские деньки такие мелочи не всегда являются препятствием. Тем не менее между ними ничего не возникло. Вскоре после окончания института Федор познакомился с Машей. В Сочи, хотя жили они на соседних улицах. Альбина нашла мужа еще дальше – на конференции в Варшаве. Москва слишком большой город, чтобы встретиться? Или время в нем течет слишком быстро? Или дома мы слишком заняты?

На какое-то время их пути разошлись, Очкарик остался на месте, Альбина выпорхнула из старого гнезда, улетела. Но через несколько лет вернулась.

Примерно через полтора года после того, как умерла Маша Волкова.

Они увиделись во дворе, остановились, поболтали ни о чем, как старые, но не близкие знакомые, которым суждено со временем стать старыми, но не близкими соседями. «Как дела?» – «Нормально». – «Видела твоего сына, вылитый папа». – «Я старался...» Потом случайно пересеклись в недорогом баре в центре города. Волков встречался с осведомителем, Альбина болтала с подружкой. Заметили друг друга, но даже не кивнули: Альбина уже знала, чем занимается Очкарик, и поняла, что лишние знаки сейчас ни к чему. Федору это понравилось, весь разговор он бросал на Альбину взгляды, а когда клиент ушел, остался в баре.

Уселся неподалеку от болтающих женщин и достал газету. Альбина заметила маневр, однако прерывать разговор не стала, заставив Волкова ждать почти час, зато, попросившись на улице с подругой, вернулась в бар.

Федор узнал, что ей нравится «Текила Санрайз».

Альбина нашла хорошего, заботливого и целеустремленного мужа, сумевшего сделать прекрасную карьеру на дипломатическом поприще. Несколько лет ее жизнь была похожа на сказку: Франция, Бельгия, опять Франция. Потом возвращение в Москву, где муж занял ответственный пост в министерстве, планы на будущее, но... Как раз в то время среди чиновников высокого ранга возникла мода на молодых жен. Они разошлись мирно, можно сказать – интеллигентно. Альбина с девятилетней дочерью вернулась в старую, оставшуюся от родителей, квартиру и начала жизнь заново.

Она не жаловалась, просто рассказывала. А Волков, так уж получилось, рассказал о себе.

Встретились посреди шумного города старые знакомые, улучили минутку и поделились историями. Ведь должен же был найтись кто-то, кто увидит за скупыми предложениями целую жизнь. И почему этим кем-то не может оказаться человек, который вырос по соседству?

Сначала они не видели в своей встрече ничего романтического. Или не хотели видеть. Или боялись видеть. Даже после третьего коктейля продолжали разговаривать в прежнем ключе, не пьянели и не делали вид, что пьянеют, не склоняли головы ближе друг к другу. Она не клала руку ему на плечо. Он не пытался погладить ее колено. Просто говорили.

А потом слова закончились. Они выплеснули друг на друга свои жизни и некоторое время молчали, наслаждаясь появившимся в душах умиротворением. А потом, когда должно было прозвучать стандартное: «Кажется, нам пора по домам...» – Волков выбрал другой вариант. Он впервые прикоснулся к Альбине: взял ее узкую кисть и поцеловал тонкие пальцы.

И никто из них не подумал, что причиной стало вино.

И как-то сразу в их отношениях появилось невысказанное, но железное правило: не рассказывать детям о связи. Слово и Федор, и Альбина в глубине души думали, что их встречи не продлятся долго, что пережитые драмы, вызвавшие в их душах смятение, забудутся, а наладившаяся жизнь сотрет то, что привлекло их друг к другу. Волков мог найти более молодую женщину: нестарый, небедный, интересный мужчина. Альбина могла надолго, а то и навсегда покинуть Москву: знание языков и нужные знакомства позволили ей получить отличную работу в представительстве крупной французской компании.

Но он не находил, а она не уезжала. А связь все не рвалась и не рвалась.

Зато мимолетные, ни к чему не обязывающие романы, которыми Волков перебивался до этого, прекратились. Он больше не чувствовал в них необходимости. А Альбина, ничего не сказав Федору, перестала выстраивать свою карьеру с прицелом на получение должности в Париже. Она не хотела уезжать.

Московская августовская ночь, теоретически летняя, оказалась весьма прохладной, заставляя Травника с тоской вспоминать душный Мадрид. Включенный обогреватель мог исправить положение, но Испанка по-прежнему запрещала закрывать окна, и здоровяк медленно коченел. Несколько раз он выходил из машины и энергично разминался, но положение это не спасало, а вот блондинка ночную свежесть переживала спокойно, нахохлилась на переднем сиденье, став похожей на недовольную птичку, и почти не шевелилась. Не спала. Но разговаривать отказывалась. И лишь под утро Травник нашел тему, заинтересовавшую Испанку.

– Мне показалось, ты здорово недолюбливаешь Неваду.

– Тебе не показалось, – коротко ответила женщина.

– Могу я узнать почему?

– А за что его любить?

Здоровяк обиженно засопел:

– Терри, обещаю, завтра я угоню другую машину...

– В этом нет необходимости, – улыбнулась Испанка. – Лучше пропитай салон чем-нибудь ароматным.

– Ты согласна?

– Да.

«Я прощен!» – Травник расцвел в улыбке:

– Обязательно!

Мир был восстановлен, и здоровяк ощущал себя совершенно счастливым. Он даже выбросил из головы Неваду, однако Испанка решила развить тему:

– Я забыла, что ты с ним не работал.

– А ты? – удивился Травник.

– Приходилось.

– И не рассказала!

– Не тот человек, чтобы... – Женщина вздохнула. – Впрочем, раз уж мы оказались с ним в одной команде, ты должен знать о Вонючке правду. Возможно, это нам поможет.

Здоровяк насторожился:

– Я слышал, он большой подлец.

– Не без этого.

– Так все мы грешны, – осторожно улыбнулся Травник.

– К сожалению, Невада не просто подлец. Он недоделка.

– Уверена? – недоверчиво спросил здоровяк.

– Абсолютно.

– Я слышал, он играет как бог.

– Но не так, как должен играть искусник, – уточнила Испанка. – У Невады были потрясающие способности к игре в карты, но ему не повезло – он встретил Гончара.

– Каждый из нас встретил Гончара.

– Но к моменту встречи мы уже были искусниками.

– Я – нет, – парировал Травник.

– Интересно... – Женщина прищурилась. – Я не знала об этом.

– Просто... – Здоровяк выглядел смущенным, – просто мы никогда не говорили... В смысле... я не говорил... Не было подходящего случая...

– Гончар предлагал тебе помощь?

– В чем?

– Чтобы стать искусником?

– Ну... – Травник почесал затылок. – Что-то такое прозвучало, но я...

– Ты отказался, – помогла Испанка.

– Да.

– А Невада согласился. – Она провела пальцем по пыльной торпедо – прежний хозяин «бумера» не очень-то ухаживал за железным конем. – Игра непредсказуема, везение может кончиться, полагаю, именно эти доводы помогли Гончару обмануть Круса. Или же парень оказался слишком ленив и решил схитрить, не упускать то, что само плывет в руки. – Испанка помолчала. – Одним словом, всеми нынешними успехами Невада обязан Гончару. А взамен наш могущественный друг получил преданного раба, не смеющего даже чихнуть без разрешения. Одно слово – недоделка.

– Откуда ты знаешь? – хрипло спросил Травник.

– Перед той операцией, в которой мы работали вместе, Невада взбунтовался, и Гончар лишил его своей милости. За одну ночь Крус проигрался в пух и прах, стал должен едва ли не всем жителям Земли.

– Дальше можешь не продолжать, – усмехнулся здоровяк.

Но Испанка не послушалась:

– Я видела, как Невада умолял Гончара о прощении, как плакал, валяясь в ногах. Ни один искусник не станет так унижаться.

Потому что ни один искусник не обязан Гончару своим умением.

– Невада получил все и сразу, – жестко закончила женщина. – Теперь он полный ноль.

Минут пять в салоне «бумера» царила тишина. Тереза вновь нахохлилась, Травник обдумывал ее рассказ. При этом он так увлекся, что даже забыл о ночном холоде. Женщина предполагала, что здоровяк потребует дополнительных подробностей, захочет развить тему Невады, например, узнать, за что искусники прозвали его Вонючкой, но, к ее некоторому удивлению, Травника заинтересовало совсем другое:

– Почему Гончар не взял с собой только недоделок? Невада ведь не единственная его игрушка?

– Не единственная.

– Тогда почему он не собрал команду из преданных рабов?

– Политика, – улыbnулась Испанка. – Собрав команду искусников, Гончар может представить свою стычку с Механикусом как столкновение принципиальных позиций. Не мне тебе рассказывать, что вражды между искусниками хватает.

– Да уж, – пробормотал Травник.

– Но есть правило: искусники выясняют отношения только между собой. И если бы Гончар натравил на Механикуса исключительно наемников, против него выступили бы все. – Испанка зевнула, воспитанно прикрыв рот маленькой ладошкой. – Во всяком случае, внучата Бабушки Осень точно бы не остались в стороне. Москвичи – ребята горячие...

Если существовала возможность, Волков всегда оставался у Альбины до утра. Она была рада таким ночам. Действительно рада, несмотря на то, что Очкарика могли неожиданно вызвать на службу – и вызывали – в любой момент. Они не любили просыпаться в одиночестве. А в последнее время им нравилось просыпаться вместе.

Вот только об этом они еще не говорили. Держали в себе, предпочитая делиться лишь обыденными планами.

– Завтра я улетаю, – сказала Альбина, выйдя из душа. – Днем сообщили – срочная командировка. В понедельник рано утром я должна быть в Париже.

Кому-то Эйфелева башня, а кому-то труп в сортире.

Альбина легла рядом с Волковым и провела рукой по его груди:

– Три дня.

Он помолчал, затем потянулся и поцеловал женщину в щеку. Следующие слова могли показаться обыденными, но ничего другого Федор сказать не мог. И прозвучала его фраза искренне:

– Я буду скучать.

* * *

Ходят слухи, что москвичи, оказавшиеся ранним утром где-нибудь в центре города, глохнут, точнее – на какое-то время теряют слух. Говорят, что мозг, привыкший ассоциировать знакомое место с ревом транспорта и шумом толпы, отказывается воспринимать очевидное и попросту перестает реагировать на любые доносящиеся звуки. Говорят, что человек на какое-то время теряет ориентацию и даже начинает бояться знакомых домов, известных улиц, деревьев, которыми сереют скверы в предрассветной дымке.

Говорят...

Скорее всего, подобному беспокойству подвержены далеко не все и даже наоборот – мизерная часть горожан. Ведь оказываясь на улице в три, в четыре или в пять часов утра, мы очень редко прислушиваемся к своим ощущениям. У нас всегда есть дело, которое вытаскило нас из теплой кровати. Мы спешим, мы торопимся домой или на работу.

Мы сосредоточенно живем, не обращая внимания на мир.

Но даже у самого отъявленного прагматика бывают минуты озарения, мгновения, когда он вылезает из твердого панциря рассудительности и замечает, что окружающая его действительность не так уж проста, как он привык думать. Что здания оказываются не рукотворными бетонными ящиками, а загадочными, пронзенными пустотами пещер скалами, обладающими собственной душой. Что колдовство предрассветных сумерек ведет знакомые улицы совсем не туда, куда днем спешат автомобили и пешеходы. Что каждый звук, разорвавший серую утреннюю тишину, может нести в себе Тайну.

Что каждый звук интересен...

Цокот каблучков долетел снизу, со стороны Охотного Ряда. Бодрое постукивание по асфальту, незаметное днем и громогласное в безмолвии спящей Лубянки.

Цок, цок, цок...

Невада лениво отхлебнул виски из горлышка бутылки, закусил неглубокой затяжкой и только после этого повернул голову, отыскивая взглядом раннюю пташку.

Девушка лет двадцати. Волосы раскрашены черно-белыми прядями, на лице слишком много косметики, а короткое платье на бретельках не защищает от предрассветной прохлады: голые плечи приподняты, руки скрещены на груди, голова опущена. Наверное, девчонка уже дрожит. И, вполне возможно, не только от холода – понимает, что в дремотной городской тишине цокот каблучков привлекает особое внимание, наверняка ругает себя за то, что выбрала металлические набойки...

Цок, цок, цок...

Девушка подняла голову, огляделась, надеясь увидеть проезжающую машину или припаркованное у тротуара такси, а заметила Неваду. И в течение нескольких секунд на ее лице отразились самые противоречивые чувства: сначала радость, потом, когда поняла, что Крус не таксист, – разочарование и почти сразу – откровенный испуг. И следующие двадцать шагов девушка проделала почти бегом.

Цок, цок, цок...

Свернула за угол и помчалась к Кузнецкому Мосту, хотя поймать машину в дебрях московских переулков практически невозможно.

Испугалась.

Крус рассмеялся и вновь приложился к бутылке. Он не сомневался в том, что его вид заставит девчонку поторопиться. Кому, скажите на милость, понравится встретить в предрассветной мгле мужчину, сидящего на капоте «Порше» с ополовиненной бутылкой виски в руке? При том что на переднем сиденье автомобиля сопит пьяная в стельку блондинка?

У одинокой девушки картина вызвала тревогу, прогнала прочь, а вот милиционеры при виде Круса поначалу обрадовались, попытались докопаться, надеясь быстро и легко сшибить немножко денег, однако документы, которыми Неваду снабдил Гончар, заставили стражей порядка спешно ретироваться, и последние пару часов Круса никто не беспокоил. Ну, припарковался человек на Лубянке, ну, пьет виски, ну и что? Не буянит? Не нарушает? Значит, просто отдыхает. Выходные, в конце концов, имеет право.

Впрочем, несмотря на смешок, который выдавил из себя полупьяный Невада, он остался недоволен появлением девушки. Цокот каблучков вырвал Круса из транса, в который он только-только начал впадать, вернул к реальности, и получится ли отделиться от нее снова – большой вопрос.

– Сука! – с чувством произнес Невада.

– Простите, это вы мне?

Крус вновь приложился к бутылке, одновременно повернул голову на голос и, продолжая глотать, разглядывал остановившегося на тротуаре старика.

Длинное и унылое, словно у дряхлого осла, лицо, отечные глаза, бледные губы, большие уши – казалось, что старомодная шляпа висит именно на них. Под плащом наверняка костюм... Нет, не под плащом... Невада напрягся и вспомнил когда-то слышанное русское слово: пыльник.

– Простите, – старик вежливо приподнял шляпу. – Я не расслышал, что вы сказали.

– Да я не вам, – вздохнул Крус, понимая, что впасть в любимое забвение сегодня, похоже, не суждено.

– Неужели ей? – Старик посмотрел на спящую в автомобиле девушку.

С хозяйкой «Порше» Невада познакомился в клубе. Как ее, Кира? Клара? Ладно, проснется, сама скажет.

– Нет, не ей. – Крус сделал еще один глоток. – Сам себе.

Алкоголь и тоска, которая всегда накатывала на Неваду на Лубянке, сделали свое дело: вместо того чтобы послать настырного прохожего подальше, Крус втянулся в разговор.

– Я тут гуляю, – пояснил старик. – Бессонница, знаете ли. С людьми моего возраста такое случается.

– И я тут гуляю, – хмыкнул Невада. – Вот ведь совпадение.

– Почему здесь?

– Что вы имеете в виду?

– В Москве есть масса интересных мест, куда можно было бы поехать... тем более с девушкой. – Невада открыл было рот, но старик его опередил: – Я не имел в виду клубы или рестораны. И уж тем более гостиницу или квартиру. Нет. Я имел в виду места романтические, в которых действительно интересно побывать ночью. Набережные или парки... А еще есть множество скверов...

– Меня не интересует романтика, – отрезал Невада.

– Вот как?

– Вы разве не видите? – Крус кивнул на спящую девушку. – Сюда приехали не мы, а я.

– Для чего?

– Побывать здесь.

– Именно тут?

– Да...

Разговор затягивался, но Неваду это не смущало. Ему надо было с кем-нибудь поговорить. Обо всем на свете и ни о чем. Ведь он все время один... Один! Не может поделиться своими тайнами даже с психоаналитиком, никому не может рассказать о жизни. О своей настоящей жизни. Те, кому можно, не будут слушать, остальным – нельзя. Незнакомец же оказался подвыпившему Крису идеальным слушателем, которому можно поведать все, что накопилось на душе.

– Хотите сигарету?

– Не откажусь, – кивнул старик, принимая угощение. – Представляете, я всю жизнь борюсь с табаком, призываю избавляться от этой привычки, а сам курю с пятнадцати лет.

– Врач?

– Дантист. – Он глубоко затянулся, выпустил дым, взял сигарету в пальцы и представился: – Семен Ефимович Дроздовский.

– Невада, – буркнул Крус.

– Это ваше имя?

– Какая разница?

– Извините, – выдержав короткую паузу, произнес старик. – Я все понимаю: случайная встреча, случайный разговор... И это место... – Дроздовский медленно обвел взглядом площадь. Громадина самого известного в стране детского магазина, а следом – два мрачных здания, давших названию Лубянка новую суть. – Столько воспоминаний...

Будь Крус трезвее, он бы наверняка догадался, что его пытаются вызвать на откровенность. Но сейчас чувство опасности притупилось. К тому же Невада частенько рассказывал свою историю пьяным девушкам, с которыми, как правило, и приезжал на Лубянку. Сидел вот так, на капоте, повернувшись к спутнице спиной, пил, курил и рассказывал. Они ничего не слышали, но Крису становилось легче.

– Здесь я впервые понял, что такое страх.

– Вы были внутри? – Дроздовский посмотрел на дом.

– Нет. – Невада поморщился. – Внутри? Что может быть страшного внутри? Допросы? Попытки? Что еще могут сделать люди с людьми?

– Сломать жизнь, – тихо уточнил Семен Ефимович.

Но Крус не услышал. Допил виски, потянулся и бросил бутылку под ноги спящей девушке. Закурил.

– Нет, старик, внутри оно зарождается, кормится, прячется. Внутри его тайное логово, убежище, и оно не хочет привлекать к нему внимания. Зато когда оно выходит...

– Кто «оно»?

Невада опять не отреагировал на реплику собеседника. Повернулся и кивнул в сторону арки, под которой притаилась каменная голова.

– В ту ночь я убил человека. Зарезал вон там, – еще один кивок, – потом затащил в арку, а сам пошел на Кузнецкий Мост, меня там машина ждала. Народу, как и сейчас, – ни души. Все спят. Я до перекрестка дошел... – Крус указал на выезд на Большую Лубянку. – И вдруг чувствую – накатывает. Страх. Нет – ужас. – Невада глубоко затянулся сигаретой, и старик увидел, что пальцы парня дрожат. – Свидетелей никого, все чисто, а меня трясет. Идти не могу, стоять не могу, ноги не держат, доковылял до стены, прикоснулся, только еще хуже стало. – Крус помолчал. – Я тогда понял, что оно из камня вылезло, из дома. Я к камню прикоснулся и голоса их услышал. Или мысли... «Молодец, говорят, Невада, кровью пахнешь...» И смеются. Вроде как с другом разговаривают... А меня трясет. До сих пор не понимаю, как я не обмочился?

Крус бросил сигарету на асфальт, слез с капота и растоптал ее каблуком. Тяжело посмотрел на собеседника:

– Чего молчишь, старик, не веришь?

– Знаешь, с кем ты тогда встретился? – негромко поинтересовался Дроздовский.

Невада настороженно взглянул на собеседника:

– Нет.

– С Тремя Палачами, парень, с Тремя Палачами. – Семен Ефимович пожевал губами. – Они в этом доме кровь пили, мясо человеческое ели, души губили. Зла сделали столько, что когда смерть приняли... а смерть, парень, за ними долго ходила... Так вот после того, как эти трое ее приняли, – здесь остались, потому что ни туда, – Дроздовский поднял брови вверх, – ни туда, – взгляд на мгновение указал на землю, – им дороги не было. Никто этих тварей брать не хотел.

Хриплый, царапающий голос старика и то, о чем он рассказывал, делали свое дело: Невада трезвел на глазах.

– Но только ошибаешься ты, парень: сами Три Палача не выходят, их звать надо. Выманывать. С того места призывать, где они смерть приняли, где их кровь землю испоганила.

– Откуда ты знаешь?

– Я много чего о Москве знаю, – улыбнулся Семен Ефимович. – Я ведь местный.

Дроздовский улыбнулся с искренним дружелюбием, но опомнившийся Крус уже почувствовал опасность. Старик, в одиночестве гуляющий по ночному городу; старик, знающий о Трех Палачах; старик... Невада молниеносно огляделся: людей по-прежнему нет, опустил руку в карман пиджака и сжал рукоять выкидного ножа.

– Ты кто?

И застонал от дикой, невозможной боли. Настороженность, подозрения, желание убить – все вылетело, растворилось в оглушающем приступе. Из глаз потекли слезы. Крус позабыл о ноже, позабыл о старике, схватился руками за вспыхнувшую нестерпимым огнем челюсть.

– Черт! – завыл. – Черт!!!

Но через мгновение стало легче. Боль не ушла, но перестала быть острой, вернулась способность думать.

– Ты кто?

– Я же говорил – Дантист, – с прежним дружелюбием ответил старик. И осведомился: – Ты больше не хочешь меня убить?

– Нет!

– Вот и хорошо.

Боль пропала окончательно. Крус тряхнул головой, сделал шаг назад, вытер слезы и злобно уставился на старика:

– Чего тебе нужно?

– Передашь Гончару вот это. – Семен Ефимович извлек из кармана пыльника маленький пластиковый пакет, в котором одиноко белела пластмассовая пуговица. – И скажешь, что я ему больше не должен.

– Почему сам не отнес? – угрюмо спросил Невада.

– Не хочу его видеть.

– А... – Крус с подозрением посмотрел на пуговицу, затем на старика, криво усмехнулся: – Как ты меня нашел?

– Без труда, – с презрительной улыбкой объяснил Дроздовский. – Все знают, что, когда Вонючка приезжает в Москву, первую ночь он обязательно проводит на Лубянке, молясь тем, кто его когда-то напугал.

Крус покраснел. Взял, почти выхватил пакет и, скомкав, сунул в карман пиджака. Отвернулся:

– Убирайся!

– Да я, собственно, уже. – Старик поправил шляпу: – Надеюсь, мы больше не увидимся...

– Не увидимся! – Невада неожиданно развернулся к Дроздовскому лицом: – Не увидимся! Поэтому я скажу тебе кое-что, старик: я действительно Вонючка. Я действительно мразь. И я действительно предавал тех, кто мне верил. Но как ни странно, старик, есть люди, которых я считаю друзьями. Их мало, всего-то двое, но я их никогда не предаю. – Крус похлопал рукой по карману, в котором спрятался пакет с пуговицей. – Понял, старик? Я, Вонючка Крус, никогда не предавал друзей. Можешь похвастаться тем же?

Семен Ефимович судорожно сглотнул, дернул плечом, на мгновение, всего на одно мгновение, в его выцветших глазах мелькнула дикая ярость. Возможно, предшественница еще одного удара, но разгоряченному Неваде было плевать. Он сказал все, что хотел, и теперь смотрел победителем. Последнее слово осталось за ним.

Дроздовский, в свою очередь, сумел справиться с гневом. Глухо повторил:

– Скажи Гончару, что больше я ему не должен.

Повернулся и шаркающей походкой направился к Старой площади.

Сибирь, 2004 год,

третий день экспедиции

– Три дня! – рявкнул Кантор. – Три!!

Плотину его обычного спокойствия, можно сказать – отстраненности от окружающей действительности, наконец-то прорвало, и профессор неумело, но весьма яростно выплескивал на слушателей свое неудовольствие:

– Три дня простоя в исходной точке! Три дня!! Вы понимаете, что семьдесят два часа назад мы должны были покинуть этот чертов городишко?! Мы должны быть в пути! Мы...

Голос сорвался, и Кантор, схватив со стола бутылку минералки, жадно припал к горлышку.

– Мерзавцы...

Говорить и пить одновременно у профессора не получилось, вода потекла по подбородку, пролилась на одежду, однако нового приступа ярости это обстоятельство не вызвало. Кантор тихо выругался – Остин поймал себя на мысли, что впервые слышит из уст профессора столь грязные ругательства, – вернул бутылку на стол и замер, угрюмо глядя на слушателей. Не пронзительно, ожидая ответа на жесткие вопросы, а именно угрюмо, почти обреченно. Вспышка гнева прошла, и ученый на глазах возвращался к привычному образу мягкого, слегка застенчивого человека.

«Не вожжак, – вздохнул про себя Остин. – Совсем не вожжак...»

Тем не менее именно Эммануил Кантор является руководителем экспедиции, ему дана вся власть, и на нем лежит ответственность за результат. Командовать профессору нравилось, вот только делать это он, к сожалению, совсем не умел. А прислушиваться к мнению опытных людей пока не собирался: на первых порах Остин пытался давать советы, но, поняв, что Кантор не обращает на его слова никакого внимания, плюнул и всю последнюю неделю занимался исключительно своими обязанностями. За происходящим, разумеется, наблюдал, но не вмешивался. И теперь, выслушивая вопли профессора, улыбался про себя:

«Не получается? Интересно, сколько тебе еще потребуется времени, чтобы осознать свое неумение быть главным?»

Остин мог позволить себе улыбку: работу Джеймс делал безукоризненно, и претензий к нему Кантор не имел.

Ярость профессора была направлена на Денниса Вашингтона, менеджера экспедиции, а заодно на его русского помощника, невысокого черноволосого манси со странным именем Порфирий Сургучев. Именно они не сумели организовать своевременную доставку снаряжения, и именно им должна была предназначаться взбучка. Но, по мнению Остина, истерика, которую закатил Кантор, не имела ничего общего с необходимым в данном случае разносом. В свою очередь, Вашингтон и Сургучев знали о слабости руководителя и не особенно переживали по поводу скандала. Внешне выглядели подавленными, взволнованными, но Джеймс прекрасно видел, что менеджеры играют. Плевать им на взбешенного профессора. Да и вины за собой Вашингтон и Сургучев не чувствовали.

– Местная логистика оставляет желать лучшего, – негромко кашлянув, проговорил Деннис. – Русские... – тут он покосился на подчиненного, – ужасные пьяницы и разгильдяи.

Сургучев английским не владел, а потому просто кивнул, подтверждая непонятые слова старшего товарища.

– Когда следует ждать груз? – уныло осведомился смирившийся с судьбой Кантор.

«Концерт закончился».

Остин окончательно поскучнел.

– Перевозчики клянутся, что завтра машина будет в городе, – уверенно заявил Вашингтон.

– То есть послезавтра мы можем выступить?

– Я надеюсь.

Сам Деннис в тайгу не собирался, даже целей экспедиции толком не знал, а потому его совершенно не волновало, как скоро люди Кантора отправятся в сибирские леса.

– Идите, – велел профессор. – И помните: я требую, чтобы завтра груз был на месте!

– Обязательно, – кивнул Вашингтон.

Сургучев опять подтвердил.

Остин, не таясь, зевнул. И тоже собрался покинуть комнату профессора, но Кантор неожиданно остановил его:

– Джеймс!

– Да, сэр?

– Прошу вас остаться на пару слов.

– Хорошо. – Остин без энтузиазма вернулся в кресло и развалился в нем с самым независимым видом. – Что-то случилось?

– Нет. То есть – да... То есть... – Кантор в замешательстве потер лоб.

«Кабинетная крыса! У тебя есть имя, научные звания и связи в верхах. Но ты все равно кабинетная крыса, неспособная к повседневному управлению людьми».

Не таким, ох не таким, по мнению Остина, должен быть руководитель отправляющейся в глухие сибирские уголки экспедиции. Что Кантор видел в жизни? Уютный университетский кабинет? Тихий библиотечный полумрак? Интеллигентные раскопки в цивилизованной Европе? Джеймс внимательно изучил послужной список шефа и знал, что в по-настоящему сложных экспедициях профессор не участвовал. Не было за его плечами ни южноамериканских гор, ни африканских джунглей, ни азиатских пустынь. Не Индиана Джонс, если уж на то пошло. И как поведет себя Кантор, столкнувшись с трудностями, большой вопрос. А трудности обязательно возникнут. Остин вырос на Аляске и хорошо понимал, что это такое – северные леса.

– О чем вы хотели поговорить, сэр?

– О ваших людях, Джеймс. – Профессор наконец подобрал нужные слова.

– С ними все в порядке, сэр, – успокоил начальника Остин. – Они уверены в себе, полны энтузиазма, к тому же чертовски скучают в этой дыре и жаждут отправиться в путь.

«Пронюхал о вчерашней драке в местном ресторане? Было бы о чем говорить! Ну, набили мои ребята морды местным. Ну и что?»

– Дело действительно обстоит так, как вы говорите?

– Вы – мой командир, сэр. – Остин добавил металла в голос: – Я не имею права вас обманывать.

Официально организатором экспедиции выступили университет и два благотворительных фонда. Однако в действительности Кантор сумел заполучить поддержку правительства, а потому половину «научных работников» составляли военные. Пятнадцать морских пехотинцев во главе с Остином были призваны обеспечить безопасность ученого и гарантировать, что найденные им сокровища благополучно достигнут Соединенных Штатов. Дабы не смущать туземных чиновников, военные действовали инкогнито, однако оснащение группы, в том числе и боевое, было на самом высоком уровне.

– Я поговорил с парой ваших парней, – промямлил профессор, – и понял, что они никогда не бывали в тайге.

– Они морпехи, сэр, – отрезал Остин. – Они пойдут, куда прикажут, и сделают все, что им прикажут.

- Да, но... – Кантор нервно потер руки. – Джеймс, я могу быть с вами откровенен?
– Как сочтете нужным, сэр. Со своей стороны хочу заметить, что нам следует полностью доверять друг другу.
- Разумеется, разумеется... – Профессор неловко улыбнулся. – Понимаете, при подготовке экспедиции меня в основном увлекали научные аспекты...
- Прекрасно понимаю, сэр, – кивнул Остин. И, не удержавшись, язвительно добавил: – Каждому следует заниматься своим делом.
- Совершенно с вами согласен, и... – Кантор вновь сбился. Чувствовалось, что тема его крайне тревожит. – Одним словом, меня не особенно заботило, кого прикомандировало к экспедиции министерство обороны.
- «Начинается», – мрачно подумал Джеймс.
- Он ждал, что этот разговор состоится значительно раньше, в Америке, когда еще можно было что-то исправить, или по прилете в Россию, но уж никак не перед самой экспедицией. Еще одно доказательство слабости профессора как руководителя.
- Сегодня я получил письмо от друзей...
- «Господи, он даже не в разговоре с морпехами об этом узнал, а от друзей! Что же ты за начальник?»
- И они намекнули, что наши... что ваши подчиненные служили в Ираке.
- Многим морским пехотинцам довелось нести службу в Ираке, сэр, – отчеканил Остин. – Наличие боевого опыта являлось дополнительным плюсом при отборе кандидатов. Вам ведь нужны лучшие солдаты?
- Э-э... Да.
- Вы их получили.
- Джеймс намеренно сделал вид, что не понимает, к чему клонит Кантор.
- «Давай, профессор, выкручивайся! Назови кошку кошкой».
- К большому удивлению Остина, Кантору все-таки удалось справиться с неловкостью и внятно высказать охватившие его сомнения:
- У ваших людей нет боевого опыта, Джеймс. Они служили в охране тюрьмы Абу-Грейб, и против них велось расследование по факту издевательств над заключенными...
- В отличие от витающего в облаках профессора, Остин с самого начала знал, каких уловок ему подсовывают, пытался отказаться, но в конце концов был вынужден смириться с принятым наверху решением. Теперь следовало успокоить Кантора. Руководитель должен быть уверен в своих подчиненных.
- Буду откровенен, профессор, я тоже не в восторге от этих ребят. НО. Я их полностью контролирую и на сто процентов уверен, что они выполняют любой мой приказ. – Остин выдержал паузу. – Вы мне доверяете?
- Вас рекомендовали как очень умелого офицера.
- Спите спокойно, профессор, я не подведу. А что касается иракских приключений моих людей, то... – Джеймс улыбнулся. – Нас ожидает тяжелая экспедиция. Нам будет противостоять и природа, и, насколько я понимаю, люди. Вы ведь сами рассказывали, что ищут сокровище давно и погибшие в этих поисках исчисляются десятками.
- Все так. Но...
- Местные дикари только с виду кажутся тупыми и дружелюбными. Не забывайте, что мы находимся на их территории и хотим отыскать их сокровище. Как поведут они себя, когда мы приблизимся к цели? Продолжат помогать или проявят агрессию? Не стоит забывать и о русском правительстве. Не попытается ли оно наложить лапу на найденное сокровище?
- Его еще надо найти.
- Правильно. А для этого необходимы люди, которым можно доверять.

Кантор снял очки и вытаращился на офицера:

– К чему вы ведете, Джеймс? Сознательно запутываете разговор? Я ведь с этого и начал: доверять тюремщикам...

– Вы не очень хорошо разбираетесь в людях, профессор. Вы узнали неприглядный факт и запаниковали. А ведь я не шутил, когда сказал, что вы заполучили лучших солдат. Мои морпехи замазаны по уши, единственная для них надежда избежать суда – с блеском выполнить это задание. По вашему приказу они пойдут куда угодно и сделают что угодно. Если будет нужно – станут пытать местных, чтобы получить сведения о сокровищах, если будет нужно – убьют. Вы ведь хотите добиться цели?

– Да, – пробормотала кабинетная крыса.

– Мы сделаем все, чтобы ваше желание осуществилось.

Воскресенье

Разные женщины дарят разные ощущения по утрам.

Когда-то Волков об этом не задумывался, не копался в себе: просыпался, собирался, уходил на работу. В одни дни был более весел, чем обычно, в другие – более строг, а разницу настроений списывал на служебные дела. Самый обычный житель самого обычного мира.

Самый обычный робот.

После смерти Маши веселое утреннее настроение пропало, казалось, навсегда. Встречи с женщинами заканчивались для Федора одинаково: он одевался и среди ночи ехал домой, ложился в ставшую огромной двуспальную кровать, засыпал, а утром без особых эмоций включался в конвейер повседневности. Мимолетные увлечения и романы на пару месяцев приносили Очкарику физическое удовлетворение, но не касались его души.

И вот в его жизни появилась Альбина...

И все изменилось.

Не в одночасье, конечно, постепенно. Шаг за шагом. Одна встреча, другая, третья... и каждого нового свидания Волков ждал со все большим и большим нетерпением. Скучал, когда им приходилось расставаться хотя бы на пару дней. А встретившись, ловил себя на мысли, что не хочет уходить или провожать. Хочет уснуть, уткнувшись носом в ее волосы, а проснувшись, увидеть ее глаза. Хочет быть рядом как можно чаще.

И вновь по утрам его стало навещать хорошее настроение, радостное возбуждение, раскрашивающее привычно сероватые будни в яркие цвета. Он вновь задышал ароматом настоящей жизни. И бреясь по утрам, не тарасился уныло в зеркало на свою полусонную, вымазанную пеной физиономию, а мурлыкал под нос какую-нибудь песенку. И чувствовал себя прекрасно, даже если поспать прошедшей ночью удалось всего три-четыре часа.

Разные женщины дарят разные ощущения по утрам.

И если ты провел ночь с любимой, утром ты обязательно это поймешь. Ни за что не ошибешься.

«С любимой? – Рука Федора на мгновение замерла, движение бритвы по щеке прекратилось. – С любимой? Может быть...»

Несколько секунд хаотических раздумий, и... и Очкарик заставил себя переключиться на работу. Отношения с Алькой – слишком серьезная тема, чтобы размышлять о них за утренним бритьем. Об этом следует подумать не спеша, например, сегодня вечером. Сейчас же следует сосредоточиться на предстоящем совещании.

– Основной бизнес Арифа – компания «НефК^о», – бубнил Грушин «оперативную информацию». – Сеть бензоколонок, перерабатывающие мощности, доля в добыче. Одним словом – углеводороды.

– То есть мужчина не бедствовал, – пробормотал Федор. Просто так пробормотал, чтобы хоть чем-то разбавить нудное жужжание Васеньки, которое Очкарику изрядно надоело. Грушин, однако, не понял истинной причины, вызвавшей реплику Волкова, а потому немедленно развил «заинтересовавшую» полковника тему.

– Помимо «НефК^о» Ариф контролировал множество более мелких предприятий, имел долю в двух гостиницах...

– Я понял, – перебил майора Очкарик. – Гусейн – личность известная...

– Его состояние, по сведениям «Форбс», примерно четыреста миллионов долларов, – немного обиженно закончил Грушин.

– А по нашим сведениям?

– Меньше, – не стал скрывать Васенька. – Ариффу принадлежали не все предприятия, которыми он руководил.

Таковы уж особенности выросшего из девяностых годов бизнеса. Многие «авторитетные предприниматели» предпочитали не светиться, а выдвигать на передний план людей, никогда не имевших проблем с правосудием. Или же человек работал на благо клана или общины.

Гусейн «зиц-председателем» не являлся, фигурой был мощной, но теневые партнеры у него все равно присутствовали. Что поделать – дитя времени. Значились в биографии Арифа и нелады с законом, однако Гусейн вовремя сообразил, куда дует ветер, успел понять, что законопослушность вскоре войдет в моду, и сумел превратиться в честного, солидного бизнесмена.

Правда, с очень хорошей охраной. Считавшейся до недавнего времени одной из самых надежных в Москве.

– В девяностых Ариффу пару раз прищемили хвост, научили осторожности, – продолжил Грушин. – Он очень не любил выходить из тачки у подъезда, предпочитал высаживаться в подземных гаражах. А если уж приходилось, то пролетал расстояние до подъезда, как спринтер, а вокруг обязательно человек шесть прикрывающих. С ним всегда было не меньше десяти телохранителей. Тачка, естественно, бронированная, «мерин», по спецзаказу слепленный. Джипарь охраны тоже навороченный, говорят, каменную стену может снести и не заметить. То, что в казино с Гусейном был только Сардар, – случай исключительный, Ариф владельцам доверял, вроде даже долей какой-то владел, поэтому внутрь больше одного человека с собой не брал. А когда в чужих кабаках оказывался, его ребята постоянно рядом толклись.

«Доверял, значит...»

Очкарик вспомнил лежащий на кафельной плитке труп, ранку на заднице, потерянные глаза Сардара и его злых подчиненных, которых так и не пустили внутрь.

Знал ли убийца о доверии Гусейна к владельцам казино? Учитывал ли этот факт при разработке плана? Замешаны ли в деле хозяева? Как ни крути, а исполнение оказалось... мягко говоря – необычным. Безумным, если называть вещи своими именами. Но в то же время – эффективным. Случайность, ошибка или точный расчет? Но кто, черт побери, способен разработать такой сценарий?

– Здесь краткие данные о фирмах Арифа, вдруг тебе потребуются подробности. – Грушин передал Федору не очень толстую папку. – Там же копия его налоговой декларации за прошлый год, список принадлежащей недвижимости, список ближайших родственников и деловых партнеров.

– Сведения о мальчике есть?

– А как же? И о нынешнем, и о двух предыдущих.

– Откуда информация?

– С Сардаром поговорил.

– Спасибо.

– Не за что.

Грушин был в меру ленив, в меру подл, выслуживался перед Сидоровым изо всех сил, но работать в случае необходимости умел. Когда чуял, что благодетель особо отметит проявленное усердие. Сидоров велел подготовить для Федора максимум возможной информации, и Васенька работал всю ночь. Пока Волков спал с Альбиной, Грушин рылся в архивах, допрашивал Сардара и поднимал на ноги приятелей – таких же лакеев, но из других служб, прося о срочной помощи. Братство карьеристов – великая вещь. Утром же, усталый, красноглазый, накачавшийся кофе, Васенька заехал за Очкариком домой, чтобы успеть передать информацию до совещания. И даже распечатки сделал, в папочку вложил. Исполнительный и аккуратный. По нынешним временам может дослужиться до генерала.

И Волков знал, что, будучи у министра, не забудет поблагодарить Сидорова за своевременно подготовленные материалы. Не хочется, конечно, но куда деваться? Проклятое воспитание.

Машина остановилась у министерства.

– Спасибо, – повторил Очкарик.

– Первичные материалы получил? – негромко осведомился хозяин кабинета.

– Да, – кивнул Федор. – Ребята Виктора Павловича сработали оперативно.

– Вот и хорошо.

Сидящий напротив Волкова Сидоров изобразил нечто, отдаленно напоминающее улыбку, Очкарик ответил вежливым кивком. Очень сдержанным кивком. Впрочем, их натянутые отношения были секретом Полишинеля. Генерал относился к тому типу руководителей, которым фуражка серьезно деформировала мозг. В министерство он пришел вместе с хозяином кабинета, своим старым другом и руководителем, пришел на правах члена команды победителей и... и уйдет, когда поменяется власть. Федор же, благодаря способностям и репутации, пережил уже трех министров и не сомневался, что переживет и четвертого, и пятого – в его услугах нуждались все.

Карманный «Шерлок Холмс».

Очкарика использовали только тогда, когда существовала необходимость обязательно докопаться до правды. В делах очень шумных или, наоборот, – очень тихих, неизвестных широкой публике. В случаях, когда обстоятельства запутанны, мотивы неочевидны, а подозреваемых или слишком много, или нет вовсе.

Основными достоинствами Волкова считались глубокий ум и четкое понимание правил игры. Федор никогда не проводил расследование «для галочки», не назначал преступников, а доказывал их вину и не скрывал поражения. Самое же главное заключалось в том, что Очкарик делился результатами только с руководством. Ему не доверяли члены приходящих команд, зато лидеры, послушав рекомендации предшественников, брали умного сыщика на заметку и оставляли при себе.

– Мысли появились?

Волков неопределенно пожал плечами:

– Надо копать.

Сам факт его участия в совещании говорил о том, что смерть Арифа стала для всех полной неожиданностью.

Громкие заказные убийства давно вышли из моды, теперь бизнесмены, даже те, чье мировоззрение сформировалось в девяностых годах, предпочитали договариваться друг с другом. Для убийства требовался весомый повод, о существовании которого становилось известно задолго до выхода на сцену исполнителей. Долги, неуступчивость в бизнесе, агрессивное поведение – противоречия накапливались постепенно, часто бывало так, что окружающие пытались их погасить и, если дело доходило до заказа, подозреваемые отыскивались без особых проблем. Есть повод – есть разговор. И тогда в игру вступал Сидоров, который, при всех своих недостатках, умел идти по четкому следу. В деле же Арифа поводов для убийства не находилось, очевидного следа не было, и приткий генерал напоминал запертого в стойле рысака: скакать готов, но не знает куда. Хорошие, злые рысаки в таких случаях начинали ломать стойло, но местный конюх свое дело знал хорошо и умел управляться с жеребцами.

– Очевидных причин для убийства Арифа не было, – медленно произнес хозяин кабинета. – Разумеется, есть застарелые конфликты, недопонимание с деловыми партнерами, кое-какие долги – все эти ниточки проверит Виктор. – Сидоров согласно кивнул. – Возможно, эти ниточки приведут нас к преступнику, но... Но есть весомые основания полагать, что убийцу следует искать в другом месте.

Хозяин кабинета сделал глоток кофе. Помолчал, давая возможность Волкову обдумать предыдущее сообщение, и продолжил:

– Нужна правда, Федор, все хотят знать имя преступника. – Он позволил себе улыбку: – На этот раз действительно все, потому что никому, как бы странно это ни прозвучало, не было выгодно убивать Гусейна.

– Кому-то выгодно, – заметил Очкарик.

– Выгодна смерть, но не убийство, – слегка высокомерно пояснил Сидоров. – Теперь его коллеги нервничают – они все у нас на подозрении.

Все понятно: Ариффу с удовольствием бы устроили сердечную недостаточность или фатальный приступ аппендицита. Если бы могли. Но действовать открыто никто не желал, не те времена. Да и лишнего внимания спецслужб привлекать не хотелось, не зря ведь Сидорова частенько называли «Пресс-атташе» – отпрессовать генерал мог кого угодно.

Тем не менее произошло убийство. Громкое. Из разряда тех, от которых успели отвыкнуть. Которое займет первые полосы, во всяком случае в понедельник, которое примутся обсуждать в газетах и на телевидении, что вызовет дополнительное раздражение у шефа. Впрочем, проблемы с прессой Волкова не волновали – он редко общался с журналистами, только тогда, когда ему было что-то от них нужно.

– Ходят слухи, что Генеральный прокурор не прочь взять дело под контроль, – сообщил Сидоров.

– Он настолько уверен в своих силах? – осведомился хозяин кабинета.

– Виноватых всегда можно найти, – усмехнулся генерал. – А дело шумное, хороший повод покрасоваться в новостях и набрать очки.

– Я заявлений делать не буду, – подумав, протянул шеф. – Но на успех рассчитываю.

И многозначительно покосился на Волкова.

О «добрых» отношениях хозяина кабинета с Генеральным прокурором складывали легенды. Друг друга они не то чтобы недолюбливали – на дух не выносили, и Федор понял, что шеф не прочь умыть врага. Один треплет языком, другой находит убийцу. Политика.

Однако заверять шефа в том, что приложит все силы, Очкарик не стал. Выдержал взгляд, коротко кивнул в ответ и повернулся к подавшему голос Сидорову:

– Грушин рассказал, как охраняли Гусейна?

– В общих чертах.

– Это еще одна проблема, – вздохнул генерал. – Убийца прошел через хорошо отлаженную систему защиты.

– Даже в самой надежной системе можно найти слабые места.

– Но для этого нужна долгая и кропотливая работа, – бросил хозяин кабинета. – То есть преступление задумывалось давно, тщательно готовилось и, наконец, свершилось. Все бы ничего, да вот момент выбран неподходящий. Не выгодно сейчас никому убийство Арифа, не выгодно.

Он знал больше, чем говорил, но резоны свои не раскрывал: для подчиненных достаточно слова. Если повторил: не выгодно, значит, так оно и есть.

– Может, потому и выбран такой момент? – Волков почесал кончик носа. – Сейчас никому не выгодно, явных подозреваемых нет, заказчик спит спокойно.

– Может быть, – согласился шеф. – Однако найти убийцу мы должны обязательно. Уж больно он интересен...

Естественно, интересен! Большим людям стало неуютно при мысли, что некий молодец способен под носом у телохранителей вогнать им в задницу отравленный колышек. Пуля, авткатастрофа, бомба – от подобной ерунды они спастись научились, но виртуозное убийство вызывает страх. И панику. И желание обезопасить себя от умельца.

– Я все понял, – кивнул Очкарик. – Постараюсь.

Разговор подходил к концу, и следовало продемонстрировать начальству здоровый рабочий энтузиазм.

– Копай, Федор, нам нужен результат.

* * *

– А-а-а...

Характерные стоны, вырывающиеся из окна на четвертом этаже, привлекали внимание всех, кто оказался во дворе. Пара дворников, позабыв об обязательном ритуале ежедневного подметания, оживленно обменивалась впечатлениями, периодически указывая пальцами на распахнутое окно. Прилично одетый мужчина, вышедший из подъезда к припаркованному во дворе «Бентли», с улыбкой покачал головой. Кто-то с грохотом захлопнул раму на втором этаже, подчеркнув свое раздражение. Без сомнений, ближайшую пару дней жители respectable дома посвятят обсуждению нахального поведения соседей. Возможно, их представитель позвонит хозяину квартиры и выскажет мнение жильцов, среди которых случайных людей не наблюдалось – сплошь богатые и уважаемые.

Но это – потом. Но это – возможно. Но это, на самом деле, ничуть не волновало увлеченных друг другом любовников. О каких соседях, пусть даже известных, уважаемых и богатых, можно думать, когда одежда разбросана по полу, вперемешку с одеялом, покрывалом и подушками? Когда мягкая простыня съехала, а разгоряченные тела залиты лучами летнего солнца? О чем может думать мужчина, когда его руки скользят по бархатистой женской коже, по изогнутой спине, по упругой груди? Когда ладони натываются на твердые соски, и это прикосновение током пронзает тело? О чем может думать женщина, когда оглушающие волны накачивают столь часто, что непонятно, что они приносят: удовольствие или боль? Когда пылает огнем каждая клеточка, каждая частичка тела, когда хочется, чтобы ласки поскорее закончились упоительным взрывом, и мечтаешь, чтобы они продолжались бесконечно?

Стоны становились все сильнее, а слушатели продолжали смеяться и поглядывать на часы.

Они нечасто занимались любовью, хотя считали друг друга идеальными партнерами. Они угадывали желания; когда нужно, становились нежными и податливыми, когда нужно – сильными и агрессивными. Возможно, редкость их встреч объяснялась сознательным выбором: они боялись надоесть друг другу, привыкнуть, перестать получать от близости тот максимум удовольствий, к которому привыкли. Боялись потерять мостик, который связывал их души, помимо всего остального. Тем более все остальное было весьма и весьма зыбким: одна общая тайна, пара общих врагов и никаких общих интересов.

Им даже не о чем было поговорить, кроме как о деле, и поэтому после того, как осталась позади бурная вспышка, дыхание успокоилось, а довольный Гончар перевернулся на спину и закрыл глаза, Проказа положила голову ему на грудь и негромко произнесла:

– Я не доверяю Испанке.

– Ты просто ее не любишь, – улыбнулся Гончар, не открывая глаз.

– Она не леденец, чтобы я ее любила, – буркнула Проказа. – К тому же я не люблю Неваду.

Но ему я доверяю, а Испанке – нет.

– Доверяешь Крису? – удивился Гончар.

Заявление подруги стало для него полной неожиданностью.

– В нашем деле, – уточнила Проказа. – Тебя Невада не предаст.

– Верно.

– А Испанка...

– Испанка тоже, – уверенно отрезал Гончар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.